

ДРУГИЕ
МИРЫ

Таис Сотер

ФАКУЛЬТЕТ
БОЕВОЙ МАГИИ

СЛОЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Нелегко стать примерной спутницей жизни, особенно когда ты – амбициозная чародейка с огромными планами на будущее, а твой муж – Мартин Шефнер, властный глава Службы безопасности. Да и когда тут обучаться примерности, когда на носу собственная учеба и не менее властный наставник? А еще и юные боевые маги решили проверить на прочность слабую на вид чародейку...

Так ли прочны окажутся чувства Софи к мужу? Создаст ли она артефакт, достойный рода Вернеров? Сможет ли Мартин вовремя понять, что в своем желании защитить любимую он может потерять ее доверие?..

Их отношения не будут простыми, пока они не поймут, ради чего им стоит быть вместе.

Таис Сотер

Факультет боевой магии. Сложные отношения

© Т. Сотер, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Вместо пролога

Год назад у меня было все, что нужно для счастливой жизни. Свой дом в столице, диплом артефактора, приглашение преподавать в университете. А еще у меня был жених. Мартин Шефнер, глава имперской службы безопасности. Заботливый, верный, понимающий мужчина, который вскоре стал моим мужем. И пусть «жили они долго и счастливо» возможно только в сказках, тогда я верила, что наш брак будет крепким. Ведь мы любили друг друга.

Как же так получилось, что теперь я была вынуждена ехать в неизвестность, с совсем другим мужчиной, да и еще на девятом месяце беременности? Неудача, наказание за принятие неверных решений, расплата за высокомерие Мартина и мою наивность... Или, возможно, все же любовь, заставляющая совершать чудовищные поступки с самыми искренними намерениями.

Неладное я почувствовала еще в поезде. Низ живота тянуло, тупая боль в спине стала настолько сильной, что заснуть больше не получалось. Немного повертевшись на узкой койке, я все-таки села. Опять хотелось в туалет. Какой уже раз за ночь? Посмотрела на своего спутника в раздумьях, стоит ли его будить, чтобы он проводил меня до конца вагона, где располагались удобства, и решила не трогать. Корбин и так почти не спал в последние дни.

С трудом поднявшись, сдавленно охнула, почувствовав, как по ногам потекла влага. Вот это уже было серьезно. Алхимик тут же открыл глаза и сел.

– Все в порядке, Софи?

– Кажется, началось.

Немного не вовремя. Сильно не вовремя. Я надеялась, что у меня по крайней мере есть еще неделя. Корбин непонимающе повторил:

– Началось? – Тут его глаза округлились: – Как это – началось?! Нам сутки ехать до места!

– Боюсь, ребенок этого не знает. Мне попросить его подождать? – спросила, пряча за сарказмом страх.

Рихтер несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь.

– Я справлюсь с этим, – решительно сказал он, убеждая в этом больше себя, чем меня.

– Конечно справишься. Не тебе ведь рожать в поезде.

Спазм скрутил тело, дыхание перехватило. Зато желание сбросить свое раздражение на Рихтера тут же прошло. Я оперлась руками о стенку вагона, пережидая, пока болезненные ощущения исчезнут. Рихтер успокаивающе гладил меня по плечам и спине, и от тепла его рук действительно становилось легче.

– Помочь тебе лечь? – заботливо спросил он.

Криво улыбнулась.

– Лучше постою. Так меньше спина болит.

– Тогда поищу проводника. Возможно, в поезде есть целитель или врач.

Отбросив иррациональное желание не отпускать алхимика от себя, кивнула.

Его не было чудовищно долго. За это время я успела дойти до кабинки туалета, вернуться, переодеться и пережить еще один приступ схваток. Боль накатывала волной, охватывала бедра и уходила к животу, ставшему твердым.

Вместе с Рихтером вернулся не только сонный и слегка выпивший проводник, но и

пожилая дама, представившаяся фрау Гунтег. Муж ее, умерший несколько лет назад, был сельским врачом, которому она часто помогала принимать роды. Выгнав мужчин в коридор, фрау задала мне несколько вопросов о начале и частоте схваток, пощупала живот, понаблюдала за мной.

— У вас едва началось, а вы уже дышите так, будто ребеночек вот-вот появится, — неодобрительно сказала женщина. — Вы ведь чародейка, да? Мне так ваш муж сказал.

— Да. Я артефактор.

Поняв, что устала, легла на бок, обхватив огромный живот руками и инстинктивно его поглаживая, пыталась успокоить дитя внутри себя. Я не была менталисткой, но сейчас чувствовала беспокойство ребенка. Ему сейчас было так же страшно, как и мне.

— Тогда вы должны понимать, что просто вам не будет. Привыкаете вы к силе, что в крови бродит, а когда лишаетесь ее, становитесь слабее обычных людей. Когда магия исчезла полностью?

— На пятом месяце, — в голосе моем горечь смешивалась с гордостью.

Чем раньше будущая мать, если она являлась магически одаренной, теряла свои способности, тем более сильный талант должен был развиваться у ребенка в будущем. В среднем происходило это в начале или середине третьего триместра, у некоторых и вовсе за неделю перед родами. За последние месяцы не раз жалела, что я не из таких женщин. Жизнь без магии, да и еще в не очень комфортных условиях вдали от дома порой казалась невыносимой. Но когда я впервые ощутила, как младенец шевелится в животе, и начала понимать, что вскоре на самом деле стану матерью, мое отношение начало меняться. Внутри меня было не безликое существо, делающее меня слабой и уродливой. Нет, это было мое дитя, плоть от плоти и кровь от крови. И свой дар он тоже получил от меня... или от моего мужа. Последнее признавать не очень-то хотелось, но я почти смирилась, что, возможно, артефактором малыш не станет.

— Ну и что вы тогда делаете в дороге? — Фрау Гунтег расстроено покачала головой: — Нельзя рожать без должного наблюдения и ухода, тем более когда вы так ослаблены. И куда ваш муж смотрит? Хорошо хоть роды только начались, а через час остановка в Дельве будет. Там выйдете и до больницы доедете.

— А если не успею?

— Время у вас есть, — успокоила меня фрау. — До утра должны дотянуть, а то и дольше. Я объясню все вашему мужу. И простите за любопытство, он у вас тоже чародей?

— Алхимик. А что?

— Удивили его очки. Когда впервые увидела, решила, что он слепой, но потом поняла, что ошиблась.

У Рихтера были слишком приметные глаза, а мы внимания избегали. Так что он был вынужден носить затемненные очки в помещении, невзирая на неудобства.

— Мой муж повредил глаза во время эксперимента. Сейчас он видит, но пока вынужден и ночью носить дополнительную защиту, — соврала я уже в который раз.

Люди побаивались Корбина, даже не зная, что он маг-элементалист, будто на подсознательном уровне чувствуя, как он опасен. Поэтому все вопросы о Корбине задавали мне. После того как моя беременность стала заметна, отношение людей ко мне вообще изменилось. Женщины в возрасте проявляли участие, дети — искренний и незамутненный интерес. Зато для мужчин я перестала существовать вовсе, не считая тех моментов, когда они считали нужным мне помочь. Да и то делали это неловко, избегая смотреть в глаза или

заговаривать, будто стоит им это сделать, и я не отлипну от них никогда. Я к такому совершенно не привыкла. Лишь Корбин Рихтер смотрел на меня по-прежнему. Так, будто ничего между нами не изменилось. Будто я все еще его ученица.

Мы решили сойти в Дельве, городке небольшом, но не настолько, чтобы в нем не было больницы, а на железнодорожной станции телефонного аппарата. Что ж, мне повезло, что прогресс дошел и до севера Грейдора, так как несколько лет назад за пределами столицы об этом техническом чуде не слышали. А теперь в этом городе было аж пять телефонов – и один из них, к счастью, в больнице.

Ночной дежурный по станции был недоволен, что на него свалились готовая вот-вот родить женщина и ее нервный, а потому весьма агрессивный муж, и он сделал все, чтобы от нас избавиться. Разве что нормального транспорта в пять утра нам предоставить не смогли, и добирались мы до города в крытой повозке, из которой спешно вытащили ящики с товарами. На деревянное дно настелили свежей соломы, накрыли сверху холщовым полотном, и на таком импровизированном ложе я и должна была добраться до больницы.

К этому моменту схватки стали еще чаще и дольше, давая мне совсем короткое время для передышки. Не успокаивал меня и Рихтер, цепляющийся за мою руку и все время с опаской косившийся на мой живот, будто я вот-вот взорвусь.

– Ты ведь скажешь, когда ребенок начнет выходить? – наконец спросил он, раскрыв причину своего беспокойства.

– Это не так происходит, – сжав зубы, буркнула я. – Нужно время. Фрау... как там ее? Она сказала, что я рожу не раньше чем через пять-шесть часов, может быть, и позже. Если выдержу это... ах...

Почувствовав, что схватки вновь начались, я поспешно встала на четвереньки, чувствуя себя чрезвычайно глупо. Но советы оказались дельными – стало действительно легче. Вот если бы еще наш транспорт так не трясся по булыжникам, было бы замечательно. К слабости и ознобу добавилась тошнота, усиливающаяся от запаха прокисшей капусты, которой провоняла вся повозка.

– Сколько поколений женщин до тебя через это проходило, и ничего!

Наверное, Рихтер пытался меня подбодрить, но прозвучало это укором. Поэтому я подняла голову и кинула на него испепеляющий взгляд.

Дорога, к счастью, заняла всего минут двадцать. В больнице, небольшой, но довольно чистенькой, нас уже ждали доктор и две медсестры.

– Что, у вас нет целителя?! – возмутился маг, рассматривая флегматичного и немного сонного старичка в застиранном белом халате.

– Был один, так год назад в столицу уехал, хорошей жизни искать, – сказал врач.

– А что, если у моей жены...

– Корбин... – настойчиво позвала я Рихтера, дергая за рукав, но тот только крепче меня приобнял.

– Нет, я не умаляю возможностей обычной медицины, но все же целительская магия...

– Корбин! – Я ткнула алхимика в бок кулаком, отодвигаясь.

– Полагаю, ваша супруга хочет сказать, что магию нельзя применять при столь деликатном процессе, как роды, – пояснил доктор. – Фрау, позвольте вас проводят и осмотрят. А я пока поговорю с вашим мужем.

– Со мной?! Но я ничего не знаю!

Алхимик растерянно на меня посмотрел, будто взывая о помощи.

– Но вы же не заставите свою супругу в таком состоянии отвлекаться на формальные вопросы? – коварно спросил дельвиец. – К тому же сейчас ей нужно не ваше присутствие, а немного отдыха.

Это была лишь частичная правда. Неожиданно запаниковавший Рихтер, который был со мной в гораздо более опасных передрыгах, на редкость раздражал, и все же терять его из виду не хотелось. Привыкла уже, что алхимик повсюду следует за мной.

Но мне не стоило показывать свой страх, иначе Корбин создаст еще больше проблем. Я коснулась ладонью его лба, подивившись, насколько он холодный. Или это просто моя рука была такой горячей.

– Ты сам говорил, что через это проходят все женщины. Так что тебе не стоит беспокоиться.

Рихтер перехватил мою руку и поцеловал в середину ладони.

– Не я сегодня должен был быть здесь с тобой, – порывисто сказал он. – Скажи, может, стоит отправить весть в столицу?

– Нет! – Я понизила голос и твердо заявила: – Не делай этого.

Медсестра уже нетерпеливо посматривала в нашу сторону, торопя меня. Боль внизу живота снова разрасталась. Я прислонилась к светлой деревянной стене спиной и прижалась лбом к плечу мага, ища у него поддержки. Корбин Рихтер, человек, повинный во многих моих бедах. И все же единственный, кто мог помочь мне сейчас и в ком я не сомневалась.

– Ты еще злишься на него? – понимающе спросил алхимик.

Ответила ему не сразу, переждав, когда меня вновь отпустит. Кажется, я начала привыкать к происходящему со мной, или просто то, что я находилась теперь в больнице, несколько успокоило.

– Сейчас это кажется совсем не важным.

Это не было полной правдой, но стоило ли Корбину знать ее?

Позволяя себя увести, обернулась, желая еще раз взглянуть на Рихтера, но тот уже торопливо рассказывал что-то доктору, явно в излишних подробностях.

– Это ваши первые роды? Ваш муж очень уж волнуется, а ведь кажется таким...

– Грубым? – Я слабо улыбнулась. – На самом деле он очень заботлив. Всегда таким был, сколько его помню.

Вот только иначе, чем Мартин. Как бы тот себя вел сейчас, будь он рядом со мной? Волновался бы, как мастер, был бы спокоен и строг, как всегда, когда рядом был кто-то посторонний, или, возможно, насмешничал, делая вид, что все держит под контролем?

Я никогда не узнаю это. А Мартин никогда не узнает, как я скучала по нему. Даже сейчас.

– Так, фрау...

– София. Мне привычнее, когда меня называют по имени, – спохватилась я, послушно поворачиваясь, чтобы медсестре было удобнее снять с меня верхнюю одежду.

– Я Лана, – улыбнулась женщина средних лет, помогая мне забраться на кушетку. – Фрау София, как вы сюда попали, в наш город? Кажется, у вас столичный выговор.

– Так и есть. Я из Брейга. Но... сейчас непростые времена, вы знаете. Поэтому мы с мужем вынуждены были уехать.

– Простите, вам, наверное, неприятно об этом говорить.

Я кивнула. Говорить о прошлом действительно не хотелось. Слишком много всего произошло за последний год, и не все из этого хотелось бы ворошить.

Хотя вспомнить было о чем.

В моей жизни много что изменилось за последние три месяца. Я закончила учиться, вышла замуж, переехала в дом мужа.

Но кое-что по-прежнему оставалось неизменным. Я все так же создавала вокруг себя хаос, учиняла беспорядок и попадала в глупые ситуации.

Едва успела добежать до лестницы, когда раздался взрыв. Не сказать, что мощный, но надеяться, что за пределами мастерской его не услышат, было глупо. Помещение заволочло дымом, и я, закрывая лицо рукавом, поспешно выскочила из мастерской. Захлопнув за собой дверь, вытерла слезящиеся глаза и только тогда заметила Мартина, уже одетого и тщательно выбритого.

– Две недели. Две недели тебе понадобилось на то, чтобы взорвать подвал в моем доме, – заметил мой муж флегматично.

– В нашем доме, – поправила я.

– Как что-то ломать, так это наш дом, а как принимать гостей, так «это же они к тебе пришли», – хмыкнул Мартин. – Так, мне кажется или из мастерской слышен треск?

Я приоткрыла дверь и тут же снова ее захлопнула.

– Ну да, огонь занялся.

Самое главное – не впадать в панику. Не потому, что она бесполезна, а потому, что мой любящий и заботливый муж до конца дней мне будет это припоминать.

– Разве та защитная система, что я установил, не должна была остановить пламя? – так же спокойно спросил он. Выдержка Мартина впечатляла.

– Это она и горит. Я разобрала ее, чтобы усовершенствовать.

Бровь менталиста дернулась.

– И что ты намереваешься теперь делать? Ждать, когда все внизу догорит или пока весь дом не запылает?

– Я думаю, думаю! Дай мне еще немного времени!

Мартин вздохнул, закатив глаза, и, отстранив меня, зашел в мастерскую. Вернулся он через минуту, пропахший дымом и испачканный в копоти.

– Стекла в стеллажах треснули, стол и кресло можно выкидывать. Ну и отмывать все с неделю. В следующий раз не забывай выключить вытяжку, прежде чем сбежать с места преступления, драгоценная моя.

Я порывисто поцеловала мужа, не отводя от него восхищенного взгляда.

– Переигрываешь, – проворчал он, хотя глаза его улыбались.

– А вот и нет. Меня действительно поражает, как ты, будучи менталистом, так хорошо умеешь справляться с подобными ситуациями.

– Я возглавляю службу безопасности, если ты не забыла, к тому же вырастил артефактора, не менее беспокойного, чем ты. Думаешь, эта мастерская в первый раз горит? – Мартин поцеловал меня в висок и подтолкнул в сторону коридора. – Ладно, иди приведи себя в порядок, а то опоздаешь на свои занятия. Сегодня же первый день, помнишь?

Ойкнув, я кинула благодарный взгляд на мужа и сбежала.

Старательно натираясь щеткой в ванне, боролась с желанием уснуть. Перед первым рабочим днем я волновалась настолько, что заснула лишь после полуночи, а проснулась в пятом часу и так и не смогла успокоиться. Отвлечясь решила старым испытанным способом,

но в итоге возня в мастерской меня увлекла, и я совсем забыла о времени. Судя по тому, насколько быстро Мартин оказался рядом, он собирался напомнить мне о моих планах.

Все-таки с мужем мне повезло.

Мы были женаты всего месяц, но за это время я узнала о Мартине Шефнере больше, чем за предыдущие три года. К примеру, что он надевает очки, когда читает дома, а на службе предпочитает мучиться головной болью, но не показывать свой изъян. Что у него мерзнут ноги во сне, из-за чего мне постоянно приходится греть его ступни о свои.

А еще мой муж довольно редко мог позволить себе провести вечер дома, зато когда он со мной, то нет более интересного и внимательного собеседника. Как любовник Мартин меня, впрочем, тоже полностью устраивал, но тут уже мне не с чем было сравнивать. Да и не хотелось.

Я вышла из ванной комнаты, завернувшись в огромный банный халат, и заметила Мартина рядом с моим туалетным столиком.

– Тебе здесь подарок и записка от Рихтера, – сказал он, поворачиваясь. Внимательно окинул меня взглядом, особо уделив внимание оголенным ногам, а затем вздохнул, видимо, сожалея о том, что я сбежала от него утром в мастерскую.

– Да, пришло вчера вечером, – ответила неохотно.

– И не открыла? Все еще злишься на него?

– А ты хочешь сказать, что тебе понравилась его шутка в день нашей свадьбы? Глупая, ребяческая шутка! Вот как он может, обладая такой силой, использовать ее столь преступным образом?!

Я подхватила заранее приготовленную одежду и, зайдя за ширму, начала одеваться. Провоцировать мужа я любила, но ведь он потом опять будет жаловаться, что из-за меня не мог сконцентрироваться на работе.

– То, что погода испортилась именно из-за него, еще не доказано, – неожиданно миролюбиво сказал Мартин.

После того как мы поженились, на всех своих предполагаемых соперников за мое внимание менталист посматривал снисходительно. И ему бы радоваться моей размолвке с мастером, но он, наверное, из-за мужской солидарности решил встать на его сторону.

Но простить то, что к алтарю я шла в замызганном грязью платье и с встрепанной прической, было сложно. Когда покидала дом, был ясный летний день, а едва вышла из автомобиля у храма, с неба внезапно хлынул ливень, который промочил меня с головы до пят. Если бы не Джис, вовремя создавший над моей головой защитный барьер, мой наряд было бы уже не спасти. А все из-за обиды Рихтера на то, что ученица выходила замуж, не спросив его соизволения!

– Ну да, кто докажет его вину, если он единственный повелитель стихий в городе, – едко ответила я.

Мартин ничего не ответил, и только когда я вышла из-за ширмы, чтобы попросить его затянуть корсет, поняла причину. Он все еще разглядывал обитую серым шелком коробку, присланную Рихтером через полицейского курьера. Выражение лица было при этом озабоченно-хмурое. Кажется, я несколько переоценила его сдержанность в отношении других мужчин.

– Софи, ты не будешь против, если я взгляну, что Корбин тебе прислал? – спросил менталист, ловко зашнуровывая корсет.

– Конечно, – рассеянно сказала я. – У меня нет от тебя секретов, по крайней мере такого

рода.

Тем более что мой запрет Мартин скорее всего так или иначе обошел бы.

Пока я искала в шкафу шляпку и шарфик в тон платью, мой муж увлеченно шуршал оберточной бумагой. Я не сразу заметила, что в спальне наступило зловещее затишье.

– Мартин? – я высунула голову из гардеробной.

– Знаешь, – мрачно сказал он, – возможно, ты была права и Рихтера стоило бы проучить.

– Что там такое в коробке?

Мартин поспешно закрыл ее, спрятав за спиной.

– Ничего такого, о чем стоит беспокоиться. Я избавлюсь от этого... подарка.

– Ну уж нет, – возмутилась я. – Мартин, мы договорились. Можешь иметь сколько угодно тайн, но не в том случае, если это напрямую касается меня и моих интересов.

– Ничего такого не помню.

Нахмурившись, я протянула руку:

– Давай сюда. Рихтер мой наставник, и, как бы я на него ни злилась, принимать мне от него подарки или нет, решать все же не тебе.

Менталист скривился и неохотно протянул мне коробку. Я приподняла крышку и вытащила на свет плетку из качественной, тонкой выделки черной кожи. С рукоятью под изящную женскую ручку и слишком короткими и тонкими хвостами, чтобы быть по-настоящему эффективной в качестве оружия. Да и лошади у меня не было.

– Страннее подарков мне не дарили. Для чего эта плетка?

– Как же мне повезло, что моя любопытная жена совершенно не сведуща в некоторых вопросах, – пробормотал Мартин. – Эй-эй, не размахивай этой штукой!

– Может, у нее есть какие-то особые магические свойства, которые я просто не вижу? Или... Ай!

Конец плетки обвился вокруг запястья, оставив розоватый след, но кожу не повредил. Больно, хотя настоящий вред едва ли нанесет. Мартин тут же отобрал у меня подарок под предлогом его небезопасности и куда-то унес. Я потеряла руку и вскрыла приложенную к посылке записку.

«Пригодится для новой работы. Своих учеников стоит держать в строгости. Я вот тебя баловал и что получил? К. Р.»

Баловал он меня, как же! Как вспомню обо всех унижительных заданиях Рихтера, так прямо и хочется отблагодарить его же подарком.

Мужа записка, кажется, несколько успокоила, пусть и не до конца. Подарок на семейном совете, в котором мне была отведена роль молчаливого зрителя, было решено не возвращать. Ни Рихтеру, ни мне. Зато в качестве компенсации Мартин предложил выделить для нас двоих пару свободных вечеров, и я смирилась с потерей. С паршивой овцы, как говорится...

Хотя на скупость Мартина жаловаться было грех, учитывая его роскошный подарок на свадьбу. Правда, с одним приложением, которое мне было и не особо-то нужно. Муж считал иначе.

Так что теперь у дома меня ждал не только шикарный четырехместный автомобиль симпатичного синего цвета, но и личный водитель.

Эзра сидела, опершись на капот и подставив и так загорелое до черноты лицо под осеннее солнышко.

– Доброе утро, фрау Шефнер. – Встряхнувшись при моем появлении, она вытянулась во

весь свой огромный рост.

– Доброе утро, Эзра, – подавив вздох, сказала я. – И вы можете звать меня по имени, я же говорила.

– Босс не велел.

Эзра Орвуд работала на службу безопасности более двадцати лет и была первым и долгое время единственным агентом-женщиной. И в отставку она вышла лишь потому, что «устала рисковать своей задницей, да и дочь говорит, что я подаю плохой пример внучке». На вид Эзре было лет сорок, но я подозревала, что она гораздо старше. Высокая и крепко сложенная, с короткой мальчишеской прической, она одним своим видом и голосом, громким и строгим, подавляла меня, заставляя чувствовать себя снова ребенком. Я всегда побаивалась решительных и властных женщин, и Мартин жестоко этим воспользовался, зная, что крутить Эзрой мне будет куда сложнее, чем тем же Джисом, к примеру.

Она сразу дала понять, что работает не на меня, а на моего мужа, и потворствовать моим выходкам не собирается. Даже за руль собственной машины Эзра пускала меня тогда, когда я проходила ее проверку «на внимательность», то есть всего раза два за все это время... Жаловаться на фрау Орвуд мужу было бесполезно, так как он всецело доверял ее опыту и почти всегда был на ее стороне, чем жутко меня обижал. Но и ссориться из-за этого я с ним не спешила. Мартин явно видел во фрау если и не свою вторую маму, то наставницу, а критиковать взгляды того, кого мой муж настолько уважал, было бесполезно. Девочка без всяких магических способностей, выросшая в семье боевого мага, Эзра научилась так ловко управляться с оружием и собственным телом, что могла дать фору любому магу. Сделала карьеру в совершенно мужской профессии и при этом умудрилась как-то выйти замуж и родить дочь. Чем не образец для подражания?

Интересно, если бы я была хоть наполовину такой крутой, как она, мне разрешили бы перемещаться по городу без телохранительницы? Мартин был замечательным мужем, но вот доверия ко мне у него было ни на грош. А мне ведь уже двадцать три года, у меня высшее образование, восьмой магический ранг, несколько собственных патентов. Два благополучно пережитых похищения, между прочим! Хотя о последнем лучше вспоминать пореже, а то, боюсь, Мартин и вовсе перестанет выпускать меня из дома. Тем более что к осени в Брейге хоть и стало чуть поспокойнее, в том числе благодаря СБ, окончательно столица пока не оправилась.

К магам относились настороже, а в военном министерстве проходили столь радикальные перемены, что впору было ждать новых волнений. Нового министра, Стефана Ланге, многие восприняли с опаской, на что была весьма веская причина – до этого самому молодому министру Грейдора было «всего лишь» сорок пять. Стефану же, наследнику графа Ланге, не исполнилось и тридцати, и пусть он уже достиг некоторых успехов на военном поприще, должности министра он добился не своими силами, а благодаря протекции канцлера. Тренк после уничтожения Гайне, своего давнего противника, получил фактически полную власть в Грейдоре. Правительство и до этого ело у него из рук, а теперь, когда императора сковала тяжелая болезнь, канцлера можно было считать полноправным правителем империи.

За одним исключением. После смерти императора Крейна трон должен получить Анджей Котовский, а тот едва ли позволит Тренку собой управлять. Это стало очевидным уже тогда, когда Котовский выбрал себе в качестве невесты не Марию Ланге, как многие ожидали, а дочь герцога Строгера, предыдущего претендента на трон. Как роанец смог

договориться со своим противником и что он ему пообещал, оставалось загадкой, но теперь любые сомнения в законности его притязаний на трон отпадали сами собой.

Все эти политические интриги и дразги не могли не сказаться на столице в целом, и нет-нет да появлялись листовки, призывающие то освободиться от диктатуры канцлера, то свергнуть тиранию рода Крейнов... Или теперь князей Котовских?

Меня эти проблемы напрямую не касались, но статус супруги главы СБ все же делал меня уязвимой, да и дружба с Котовским могла рано или поздно выйти боком. Так что Мартин предпочитал перестраховаться и никуда не отпускал меня в одиночку. Даже если его или Эзры не было рядом, невдалеке всегда кто-то маячил, что крайне раздражало.

Настроения спорить с Орвуд за право сесть за руль собственной машины у меня не было, поэтому я уселась на пассажирское сиденье и, закрыв глаза, задремала. Телохранительница разбудила меня, когда мы подъехали к университету, а затем проводила практически до самого факультета боевой магии. Кое-как ее спровадив, я разгладила строгую юбку, поправила воротничок белой блузки и, придав своему лицу самое серьезное выражение, вошла в деканат.

– Фрейлейн Вернер? – улыбнулся мне секретарь. – Ох, фрау Шефнер, простите. Собрание уже началось, проходите.

– Сильно я опоздала, господин Герц? – понизив голос, спросила у старого знакомого. Когда-то секретарь работал на кафедре артефакторики, и теперь мы при встрече вели себя так, будто были тайными сообщниками.

– Декан пока не подошел, так что можете не волноваться.

Фридрих Крамер, мой новый начальник, был личностью уважаемой не только среди боевых магов, что само по себе большая редкость.

Дело в том, что хотя боевики были сильнейшими в магическом сообществе, но репутацией обладали не лучшей. Притом не совсем заслуженно. Да, они были ребятами шумными и грубыми, но не такими заносчивыми, как менталисты, вредными, как алхимики, или эгоистичными, как артефакторы. Но как-то так получилось, что именно про боевых магов ходили самые дурные шутки и слагались самые невероятные байки... Ну еще бы! Боевики были в меньшинстве, к тому же изощренностью тех же менталистов, придумавших, наверное, половину всех обидных анекдотов про боевых магов, не обладали.

Но кем Крамер точно не был, так это простаком с огромной силой, что приходилось признавать всем. У него были острый ум, идеальная память и такая стальная воля, что даже ныне покойный Гайне избегал навязывать ему что-то. Но и большой власти бывший военный министр Крамеру не давал. Так что, несмотря на все былые заслуги, высокой должности боевой маг достиг недавно.

Было большой честью работать с ним. Вот только наша первая встреча показала, что так считала лишь я.

Декан факультета прикладной магии, с которого я выпустилась этим летом, почти два месяца уговаривал меня пойти преподавать боевым магам и смог это сделать, сыграв на моей слабости – желании быть важной и исключительной. Вот он и убеждал – дескать, без меня никак, только я одна справлюсь, Крамер, кроме меня, никого своим артефактором не видит... Мне бы заподозрить тут неладное – с чего бы незнакомому боевому магу вспоминать о довольно неопытной выпускнице кафедры артефакторики? Но я повелась. И каково же было мое разочарование, когда стало понятно, что декану боевиков меня навязали.

– Вижу, господин Шефнер просто стремится пристроить свою супругу на тепленькое

место, – ядовито сказал Крамер при нашей первой встрече в его кабинете. – Но он мог бы обратиться лично ко мне, а не давить на бедного Лидгера. Тогда бы я сам дал ему понять, что вам, моя милая фрау, совершенно нечего делать на моем факультете.

– Это отчего же? – вскинув подбородок, спросила я, с вызовом глядя на массивного седовласого мужчину с орлиным носом. Вот уж кому стоило стать императором с такой-то царственной внешностью!

– Потому что вас съедят. В первый же день. Вы же, артефакторы, все трусишки. Кичитесь своими плетениями, а стоит кому-либо из моих ребят колдануть где-то рядом, как тут же начинаете вопить, что ваши драгоценные чары разрушены.

Я молча стряхнула с руки ментальный браслет, с которым по привычке не расставалась, и положила на стол перед деканом.

– Давайте, господин Крамер. Посмотрим, как вы сможете разрушить мои чары?

Маг вскинул брови.

– Бросаете мне вызов? Ну что же, тогда не жалуйтесь, если чары полетят не только на вашем браслетике, но и на всех безделушках, что вы на себя нацепили.

Декан опустил на браслет ладонь и выпустил заклинание. Выброс силы был таков, что мой артефакт аж засветился. А ведь Крамер не собирался шутить или играть в поддавки, в ход пошло одно из самых сильнейших боевых проклятий. Направь он его на человека, от него бы пепел остался...

На моем же браслете красовалась трещина. Зато все чары были на месте. Хорошо, что я дала на испытание именно его – ни одно из моих колец такой силы просто не выдержало бы.

Крамер изумленно повертел украшение в руках и едва ли не попробовал его на зуб.

– Занятно, – пробормотал он. Внезапно взгляд его прояснился. – Фрау Шефнер, а вы случайно не делали для одной из наших студенток, Ирмгарды Грохенбау, брошь?

– Делала, – кивнула я, – артефакт в виде куницы.

– А я-то думал, что это крыса, – озадаченно ответил декан. – Хорошая вещь. Ее почти все боевые маги военной академии пытались сломать.

– Так специально для Ирмы и делала, с запасом на прочность, – пояснила я. – Удалось?

Крамер развел руками.

– Простите, увлекся...

Вот же варвары эти боевики! Зато маг впервые посмотрел на меня с интересом, почти возродившим во мне надежду. Которую он тут же разрушил.

– Вы хороший артефактор, фрау Шефнер. И все же я не беру людей по протекции, в этом я принципиален.

Ситуация была настолько неприятной, что я с трудом сохраняла невозмутимость. Странно. Изначально мне совсем не нужна была эта работа, но когда декан отказал, это уязвило до глубины души. Особенно учитывая, чего мне стоило прийти сюда.

– Если мой муж и просил о чем-то профессора Лидгера, то отнюдь не об устройстве меня на работу в университет. Господин Шефнер скорее предпочел бы, чтобы меня ничего не связывало с боевой магией и магами. Знали бы, как мне сложно было отстоять свое решение.

Это была первая ссора в нашей семье и одна из самых тяжелых в моей жизни. Нет, Мартин не кричал, не использовал ментальную магию и уж тем более не наказывал меня, зная, что я предпочту уйти, чем терпеть такое к себе отношение. Нет, он просто упорно продавливал свою точку зрения, чередуя мягкое убеждение и запугивание, в основном рассказывая истории из своей практики общения с боевыми магами. Я даже на какое-то

время поверила в ужасы, расписываемые мужем, – он бывал весьма убедителен, когда хотел. Да и мои собственные воспоминания о боевой магии были травмирующими. Слишком мало времени прошло с тех пор, как меня покалечил один из боевых магов ВМ.

Верила я мужу ровно до тех пор, пока Джис не узнал, что именно пытался внушить мне Мартин. И вместо того чтобы пытаться меня переубедить, просто рассказал о своих студенческих годах. И о том, с какими сложностями он сталкивался.

– Наш артефактор люто ненавидел студентов и постоянно пытался убедить, что рано или поздно боевая магия уйдет в небытие. Что нас заменят машины, – морщась, поведал Джис.

– Как грустно. Ты до сих пор на него обижен?

– Нет. Когда на выпускном мы подвесили его головой вниз с третьего этажа, обида как-то прошла.

Я сглотнула, отодвинувшись от Джиса, но тот покровительственно похлопал меня по плечу.

– Но я думаю, что если бы нашим преподавателем был не занудный старик, а такая миленькая и умная фрау, как вы, то я бы относился к артефакторике с гораздо большим интересом.

После беседы с Грохенбау я поняла, что мне хотелось бы, чтобы студенты факультета боевой магии если и не полюбили артефакторику, то по крайней мере уважали ее. Так что Мартину пришлось смириться с моим выбором. А затем декан заявил, что я ему не нужна. Пусть Джис не доверял артефакторике, но он доверял мне. А для Крамера я была очередной бесполезной чародейкой, которую ему пытаются навязать.

Я забрала браслет со стола, вежливо улыбнувшись своему почти боссу.

– Когда хотите разрушить артефакт, лучше использовать не самые мощные заклинания, а те, которые построены по принципу Лунгарда. Сложные и плотные плетения они не разрушат, но надорвут связи, а этого более чем достаточно.

Крамер позвонил мне на следующий день.

– Вы приняты, фрау Шефнер. Зайдите сегодня в университет, ознакомьтесь с рабочей программой. Хотя вы, наверное, решите переписать ее.

– Если вы хотите взять меня на работу, только чтобы насолить моему мужу...

– О, нет-нет. Дело не в этом. Просто я немного знаком с Мартином Шефнером. Пересекались... еще до того, как я ушел в отставку и начал работать в военной академии. Так вот, более мерзкого типа в жизни не встречал. И если вы как-то смогли убедить его изменить решение, то вы на самом деле стоите внимания... Да и по поводу заклинаний Лунгарда вы были правы. А вот тот артефактор, которого я хотел взять, оплошал. В общем, вы нам нужны. Я даже готов простить вам то, что вы женщина.

– Ну вот с этим я точно ничего сделать не могу, – проворчала.

Фридрих Крамер оказался требовательным и сложным человеком, но оттого-то мне и хотелось произвести на него впечатление и доказать, что он сделал правильный выбор. Поэтому мое опоздание в первый рабочий день было таким досадным.

Я вошла в кабинет, торопливо кивнула своим коллегам и, не найдя ни одного свободного места, скромно примостилась у окна. Как раз вовремя, так как вслед за мной зашел декан. Обежал взглядом нашу небольшую компанию из десяти человек и удовлетворенно кивнул.

– Все в сборе, я полагаю. Рад видеть как старые, так и новые лица на факультете боевой магии. Хм... и кафедре боевой магии? Как-то длинновато звучит.

– ФБМ – КБМ, – сократил пухлый усатый господин на диванчике. Факультетский целитель. Он преподавал у нас на втором курсе, и это был единственный случай, когда я приходила на пересдачу. К счастью, меня он не помнил, иначе бы так благостно не улыбался той, кому поставил зачет с условием, что я не буду заниматься целительской артефакторикой.

– Да уж, сложновато будет болельщикам нашей спортивной команды, – ухмыльнулся поджарый маг неопределенного возраста и бандитской наружности.

Если я правильно поняла, он отвечал за военную подготовку и дисциплину на всех курсах. А еще говорят, этот господин был довольно любвеобилен. Он и сейчас умудрялся строить глазки высокой изящной брюнетке. Тоже, кстати, магу. Интересно, он об этом знает?

Студентов на новом факультете было совсем ничего. На все шесть курсов едва набиралось полсотни, поэтому преподавательский костяк был мал. Пятеро преподавателей по университетским дисциплинам общего характера и пятеро магов. Я познакомилась почти со всеми, кроме той самой брюнетки, сонного лысого старичка и изящного молодого мужчины со смугловатой кожей и выразительными темными глазами. Он встретил мой взгляд и тут же отвернулся, будто испугавшись.

– Ах да, тут не все со всеми знакомы, – очнулся Крамер. – Господа и дамы, позвольте представить вам фрау Софию Шефнер, нашего артефактора.

Вот не привыкла я, что при произнесении моей фамилии люди затихали и напрягались. Даже «бандит» посмотрел на меня без особой симпатии. Не изменился в лице один целитель, кажется, просто не вспомнив, кого так зовут.

– Фрау Шефнер, будьте внимательны, запоминая имена, второй раз не повторю. – Крамер был не понаслышке знаком с «забывчивостью» артефакторов, правда, довольно избирательной, в основном на имена и лица. – Фрау Клара Гольц, наш менталист, и фрейлейн Сезанна Шмидт, преподаватель тонких искусств... Куда уж без них на факультете боевой магии.

По крайней мере, не только мне Крамер выказал свое неудовольствие. Фрейлейн Шмидт была хмурой и язвительной старой девой лет сорока пяти, и она же была известнейшей поэтессой Брейга.

– Господин Дельвиг Триер, военный куратор, который не даст нашим студентам забыть, что они все-таки воины, а не институтские барышни, – продолжил декан. – Валлери Ардег, наш целитель, и мастер-алхимик Томас Бергман.

Алхимика я знала. Он выпустился на три года раньше меня и какое-то время работал в военном министерстве. Последнее отнюдь не прибавляло ему очков в моих глазах, хотя этот кудрявый большеротый маг казался вполне дружелюбным человеком. Сонный старичок, Ларс Муниг, оказался историком и специалистом по военной стратегии; коренастый усатый мужчина, Ульрих Бауэр, – мастером боевых искусств, а высокий хмурый господин в очках –

инженером-оружейником. Но больше всех меня удивил Лоренцо Моретти, тот самый смуглолицый мужчина, что держался отстраненно. Господин Моретти, который должен был преподавать право, философию и математику, прибыл из Лермии. Иностранец, которого допустили до боевых магов Грейдора, будущих армейских спецов? Пока боевики оставались под крылом военного министерства, едва ли это было возможно, но, очевидно, в университете более либеральные взгляды на образование. Уверена, что у моего мужа хранилась полная информация на Моретти, значит, он был вне каких-либо подозрений.

После такого быстрого знакомства Крамер озвучил общий курс, на который должны были ориентироваться все преподаватели, распределил кураторов по группам и, уточнив, что ни у кого из нас нет вопросов по расписанию, сбежал на встречу с первокурсниками.

– Второй курс? Сочувствую, – сказал мне господин Бауэр, преподававший боевым магам еще в академии, заметив мой растерянный взгляд. Ну не готова я быть чьим-то куратором, беря на себя решение всех проблем своей группы. – Так-то ребятки неплохие, но есть там одна парочка... Оба из потомственных, которые вечно ставят в тупик.

– Сложный характер? – спросила я.

– У девочки да. С норовом и довольно конфликтна. Хотя на вид Грохенбау сущий ангелок.

Я едва не фыркнула, услышав знакомую фамилию. Ну надо же, а Ирма умет произвести впечатление!

– Но вот Бертольд Келлер гораздо хуже, – продолжил Бауэр, то ли пытаюсь меня запугать, то ли предупреждая. – Вроде тихоня, но вы не обманывайтесь. Если на втором курсе кто какую пакость и сотворит, то знайте – за этим стоит Келлер. При этом он достаточно сообразителен, чтобы не попадаться.

Келлер. Хм, а ведь я совсем забыла, что сын Линды Келлер учился вместе с Ирмой в военной академии. Ему, должно быть, сейчас около шестнадцати-семнадцати. Такой взрослый, но он мог бы быть сыном Мартина...

Ох, о чем я только думаю? Семнадцать лет назад мой муж и Линда еще не были знакомы, да и не мог Шефнер быть столь неосторожен, чтобы заводить детей вне брака. Тогда почему мне неприятно даже думать об этом?

Ревность – чудовищно глупая штука, поэтому я выбросила из головы ненужные мысли. Меньше всего хотелось, чтобы личная неприязнь к фрау Келлер как-то сказалась на моем отношении к студенту Келлеру.

– Буду знать. А что вы скажете про шестой курс, мастер?

– К старшим курсам боевые маги уже хоть немного социализируются, да и с дисциплиной у них все хорошо. В академии-то особо не забаловать было. – В голосе Бауэра слышалось сожаление. Он явно считал, что университетская свободная жизнь развратит его студентов. – Так что с ними проблем быть не должно. А если вдруг возникнут, можете просто поговорить с их старостой, Тео Адорно. У него бесспорный авторитет у одноклассников, хоть это и не всегда бывает удобно.

Мастер боевых искусств замешкался, будто не зная, стоит ли продолжать, но все же решился.

– Почти все старшекурсники, и те, кто выпустился, и пятый тогда еще курс Адорно были против выведения боевых магов из-под крыла академии. И многие... принимали участие в городских беспорядках. Тео тогда не остановил своих, наоборот, подбросил дров в костер.

Однако я уверен, что сейчас он об этом сожалеет.

Я несколько напряженно улыбнулась.

– Тогда многие вели себя неразумно. Надеюсь, те события для всех стали уроком. Хотя для кого-то этот урок был слишком жесток. Мартин не рассказывал мне о событиях той ночи, зато Рихтер как-то обмолвился о количестве тел, привезенных утром в морг. А все потому, что некий боевой маг вышел из себя, в результате чего в одной таверне разгорелся пожар, а дверь заклинило.

Как бы то ни было, тот маг студентом не был, так что винить тех, кому придется преподавать, не стоит.

Еще раз взглянула на свое расписание и расстроено вздохнула: сейчас у меня первое занятие у второкурсников, а вот второе аж после двух, у шестого курса. Какой огромный перерыв! В любое другое время я бы ему обрадовалась – будет время зайти на родную кафедру, может быть, оккупировать мастерскую, которую когда-то считала своей. Но нехватка ночного сна уже сказывалась. Внимание было чуть рассеянным, и все время хотелось закрыть глаза и прилечь...

Стрелки уже показывали девятый час, так что я встряхнулась и пошла знакомиться со вторым курсом боевых магов.

Сама я поступала в университет, когда мне было семнадцать, но боевиков обучали с более раннего возраста, так что я ожидала увидеть почти детей. Как же! В свои шестнадцать студенты выглядели практически так же, как я в двадцать, не говоря уже о том, что большинство были выше меня. Семь переростков, шесть юношей и одна девушка. Нет, пять парней и две девчонки – одну из юных фрейлейн я приняла за мальчика из-за коротких волос, но когда она встала из-за парты, я увидела юбку и поняла, что ошибаюсь.

– Садитесь, – спокойно сказала, пытаюсь скрыть свое волнение.

Обвела взглядом аудиторию, стараясь не задерживаться его на ерзающей и улыбающейся Ирме. После того как я достаточно долгое время провела в доме Грохенбау, работая над протезом для ее отца, отношение девушки ко мне изменилось в лучшую сторону. Да и влюбленность в Мартина, к счастью, прошла. Теперь ее мысли занимал другой человек. Пока, правда, больше как соперник, но даже я, не слишком разбиравшаяся в тонких чувствах, знала, что для подростков «ненавижу» стоит очень близко к «люблю».

А вот и он, источник страданий фрейлейн Грохенбау. Довольно крепкий рыжеволосый юноша с темными, едва ли не черными умными глазами и тонкими материнскими чертами лица. А ведь действительно симпатичен и производит вполне благоприятное впечатление.

– Меня зовут фрау София Верн... – Я откашлялась. – Простите, Шефнер. Помимо преподавания вам введения в артефакторику я стану куратором вашей группы. Так что со всеми проблемами и вопросами можете подходить ко мне.

После моего заявления группа оживилась. Лопухий подросток со второго ряда тут же поднял руку.

– Спрашивай, – царственно кивнула я.

– А это правда, фрау Шефнер, что у вас обе руки искусственные и что вам их оторвало при столкновении с магами из военного министерства?

Мне понадобилось некоторое время, чтобы убедить себя, что непосредственность боевых магов умилительна, а не раздражающа.

– Нет, никто руки мне не отрывал. А теперь, если этот вопрос прояснен, может быть, мы перейдем к более насущным...

В этот раз меня отвлек громкий шепот Ирмы:

– Идиот, я же говорила тебе, что не руки, а палец! Но ты не заметишь. Она знаешь какие крутые штуки может делать!

Я снова откашлялась и продолжила:

– Давайте лучше перейдем сразу к артефакторике...

– А на какой руке хоть? А колдовать ею вы можете?

Ушастый боевик меня бесил. И если бы не тонкая улыбка, скользнувшая по губам Келлера, получавшего, судя по всему, наслаждение от происходящего, то я бы вышла из себя.

– Я этой рукой не только чаровать могу, но и надрать кое-кому уши за то, что отвлекает, – дружелюбно сказала я. – Но вы же от меня не отстанете, так? Ладно. Сейчас каждый по очереди встанет и посмотрит, что у меня там с моими искусственными конечностями. Будем считать это практикумом по обнаружению артефактов. Но, чур, пальцами в меня не тыкать и магию не применять!

Я со страдальческим видом положила обе ладони на стол, совсем не удивившись, когда студенты проигнорировали мои инструкции и просто сгрудились вокруг стола. За исключением Ирмы и Бертольда, со скучающим видом пивавшегося в это время в окно.

Остаток занятия прошел так же шумно, но не без пользы для меня и ребят. Кажется, мне удалось хоть чуть-чуть заинтересовать студентов артефакторикой, что было, в общем-то, трудно. При их уровне владения силой и навыке видеть сложную магию артефакты выглядели для них обычными предметами. Не менее проблемно было доказать самоуверенным юнцам, что артефакторика может быть как полезна, так и опасна.

Да, чародеи не были способны на мощную волшебку, но артефакты, в которые вложили совсем немного магии, нередко могли остановить самое сильное заклинание.

И я решила продемонстрировать это на примере.

– Ты, лопоухий, иди сюда! – скомандовала я, когда до конца занятия оставалось около получаса.

– У меня, между прочим, имя есть, – обиженно сказал он.

Я лишь отмахнулась.

– Да без разницы.

Мы были не на полигоне, но для боевых магов даже лекционные залы окружали защитой. Так, на всякий случай. Да и я не собиралась позволять своим ученикам хулиганить.

– Можешь создать самую простую энергосферу?

– Какого размера? – снисходительно спросил парнишка.

– Не в размерах дело, Коваль, – сказал один из студентов, вызвав у окружающих смешки.

– Цыц, мелюзга, – впервые подал голос Бертольд. – Нир прав. Если сфера будет велика в диаметре, но плохо заряжена, то ее эффективность будет минимальна. Хотя если фрау Шефнер собирается делать то, о чем я подумал, может, это и к лучшему.

– Не стоит беспокоиться о моей безопасности, – улыбнулась я.

Поставив ушастика напротив себя и убедившись, что он может неплохо управляться с заклинанием, дала отмашку приступать. Полупрозрачная, чуть голубоватая сфера медленно поплыла ко мне. Я закатила глаза.

– Можно чуть быстрее? Я тут засну.

Шар ускорился, но все же недостаточно, чтобы создать мне хоть малейшее затруднение. Подняв руку, я остановила энергосферу в полуметре от себя и просто отошла с его траектории. Она развеялась за моей спиной.

– Еще раз. А теперь без скидок на то, что я, по вашему мнению, слабачка.

Лопоухий нахмурился, сконцентрировался на своей ладони и создал еще один шар. Неровный, не слишком крупный, но уже гораздо более яркий. Сердцевина его наливалась синевой. Такой, попав по человеку, вполне может его покалечить.

И двигался он не в пример быстрее первого. В этот раз я отступать не стала. Вскинула руку и остановила сгусток энергии в нескольких сантиметрах от своей ладони.

– Еще контролируешь? Тогда почему бы тебе не попробовать продвинуться дальше?

Кто бы мне сказал раньше, что наблюдать за жалкими потугами студентов так весело! Преподавание – это точно мое. Бедолага обливается потом, шептал под нос усиливающие заклинания, наращивал мощь энергосферы... но так и не смог сдвинуть ее ни на миллиметр.

Наконец мне наскучило.

– Хватит.

Развев шарик легким движением руки, повернулась в сторону зрителей.

– Кто смог что-то увидеть?

Поднялась только одна рука. Берт Келлер. Я почти не удивилась. Поощрительно кивнула.

– Правда, я описать не смогу, – сказал юноша, поднимаясь. – Можно нарисую?

Мелом на черной доске он быстро и аккуратно обозначил заклинание своего одноклассника, а затем причудливую вязь моих чар поверх него. Грубовато, но в целом верно.

– Молодец, Бертольд.

– Почему вы назвали Келлера по имени, а меня просто лопоухим? – возмутился все еще стоящий студент.

– Вот когда заслужишь, тогда и получишь имя. – Я посмотрела на часы. Занятие уже заканчивалось. – Можете быть свободны. И в следующий раз подготовьте мне доклады по чарам класса «сеть». Там всего около сорока видов плетений, так что повторений быть не должно.

Не обращая внимания на возмущенное бормотание, я вышла, чувствуя необыкновенную бодрость. И чего меня пугали, что с боевыми магами сложно? У нас вот как-то были общие занятия с менталистами, и я как вспомню их группу, так вздрогну. Будто в террариуме со змеями оказаться.

Я была увлечена своими мыслями и не сразу обнаружила, что за мной по пятам следует Ирма, выжидая, пока ее замечу.

– Чего тебе, куница?

– Мама просила передать! Сказала, что вы наверняка забудете о себе позаботиться. – Девушка сунула мне кулек и сбежала к стоящему неподалеку Берту. Кажется, они неплохо ладят, а ведь еще полгода назад Ирма жаловалась на Келлера.

От кулька вкусно пахло хлебом и котлетками.

В преподавательской был только Лоренцо Моретти, напряженно разглядывавший свое лицо в зеркальце. При моем появлении он его поспешно спрятал и засуетился, делая вид, что что-то пишет. Я спокойно прошла мимо и, усевшись у окна, прикрыла глаза, наслаждаясь тишиной. А затем сама не заметила, как задремала.

Проснувшись я от тихого разговора все на том же кожаном диванчике, укрытая пледом. За столиком неподалеку чаевничали двое – менталистка фрау Гольц и господин Бергман, алхимик. Выглядели оба пожеванно. Заметив, что я не сплю, менталистка кинула на меня завистливый взгляд, но промолчала. Зато алхимик, поняв, что у него новый слушатель, тут же

пожаловался на третьекурсников, которые разлили какие-то ценные реагенты, а затем, нанюхавшись испарений, попали в лазарет.

– Тонкость и аккуратность – это не про боевых магов, – подавив зевок, согласилась я. – Но зато они любознательны и дружелюбны.

– Это вы у старшего курса не были, – поежилась фрау Гольц. – Атмосфера там...

– Точно, у меня же пара у старшекурсников!

Не дослушав менталистку, я схватила свой ридикюль и рванула на выход. Спешно вернулась, поправила растрепавшуюся от сна прическу, разгладила помятую юбку и чинно вышла из преподавательской под насмешливыми взглядами коллег.

На шестом курсе учились девять человек, из них всего две девушки. Зайдя в аудиторию, я уселась за потертый стол, скользнула взглядом по молодым мужчинам, спокойно сидевшим за своими партами, и уткнулась в список перед собой. И вроде бы всего на четыре года старше моих прежних учеников, а какая разница! Серьезные, строгие и уж больно напряженные. Я не была менталистом, но ощутила, насколько холодно меня встречали. И это не говоря о том, что все студенты одеты в темно-серую форму военной академии, явственно демонстрируя свою лояльность ВМ, а не университету.

Откашлялась и зачитала список студентов вслух. Тот, чье имя я называла, бесшумно вставал и, не сказав ни слова, садился на место. Два последних имени в списке меня заинтересовали больше всего.

– Ганс Яргер... да, вижу вас, садитесь. Анна Яргер...

Если вначале я решила, что Анна и Ганс брат с сестрой, то теперь, увидев хрупкую девушку, совсем не похожую на коренастого мрачного крепыша, поняла, что ошиблась. Судя по всему, они супруги. Когда девушка встала, брови мои удивленно взмыли вверх.

– Вы... в положении?

– Деканат разрешил мне посещение теоретических занятий, – ответила Анна, спокойно расправляя платье на уже заметном животике.

– Но военная артефакторика – предмет не теоретический. У нас будет практика, она может быть опасна, а у вас, наверное, и дар уже пропал?

– Фрау Шефнер, я не знаю, что вы имеете в виду под практикой, но вы не первый артефактор, что у нас преподает. И обычно желание похвастаться своими чарами пропадает после первого же сломанного артефакта. Так что, полагаю, предмет все же будет теоретическим.

Я перевела взгляд на юношу, сидевшего прямо передо мной. Теодор Адорно. Светлые волосы, скуластое худое лицо, холодные прозрачно-голубые глаза. Не очень красив, но изрядно харизматичен. Адорно не казался плохим человеком, и все же мне при взгляде на него становилось не по себе.

– По поводу вас я решу вопрос с деканом, студентка Яргер, – ответила, решив не портить отношения с группой, выгоняя девушку из аудитории. – А вот вам, студент Адорно, не стоит быть столь самоуверенным.

Я достала припасенную на конец занятия шкатулку и с глухим стуком поставила ее на стол.

– Тот, кто сможет ее открыть, получит экзамен автоматом.

– А в чем подвох? – недоверчиво спросил один из студентов.

– На шкатулке не должно остаться ни царапины.

– Это задачи не для боевого мага. Как раз такими обычно занимаются алхимики или

артефакторы.

– А что, артефакторы так часто бывают под рукой? А если вам во время операции нужно будет проникнуть куда-нибудь с минимальным шумом, что будете делать? Алхимика звать?

Без каких-либо слов со второго ряда поднялся высокий сутуловатый юноша со шрамом на виске и, подойдя к шкатулке, опустил тяжелые крупные ладони на покрытое узорами дерево.

Жар его магии я чувствовала почти физически. Хотелось отодвинуться или закрыться щитом, но делать это на глазах у студентов означало показать свою уязвимость. Чтобы отвлечься от происходящего, начала рассказывать:

– Чародеи, как известно, способны использовать гораздо меньшее количество энергии, чем маги, особенно боевые. Говоря о чарах, чаще всего используют понятие «нити», а вот в заклинаниях речь идет уже о потоках силы. Но при этом и заклинания, и чары работают на одних и тех же принципах. И тут и там мы рассуждаем об узорах, схемах, рисунках заклинаний и чар. Тогда как так получается, что состоящие из тонких, легко рвущихся нитей чары порой так сложно бывает порвать или нарушить? – Я посмотрела на упорно пытающегося взломать мою защиту студента и скомандовала: – Достаточно. Следующий. Так вот, возвращаясь к теории. Как вы думаете, что может сделать чары крепче?

Руку подняла полноватая студентка, подстриженная едва ли не короче, чем окружающие ее парни.

– Вы отвечать или получить «автомат»?

– Пожалуй, и то и другое. Тип магии, да? От этого зависит, насколько чары будут хороши. Нужно угадать тип применяемой магии и использовать что-то из этого же арсенала, но сильнее?

Я благожелательно кивнула.

– А вы попробуйте. Чтобы не задерживать процесс, подскажу: тут используется схема Нулана. В боевой магии она тоже в ходу, насколько я знаю.

«Тогда, должно быть, это будет легко», – прочитала я во взгляде девушки. Она взяла шкатулку в руки и медленно провела по ней, иногда задерживаясь пальцами, почти точно чувствуя, где располагаются основные узлы чар.

Шкатулка не поддавалась. Я развела руками.

– Что ж, видно, получить зачет у меня окажется не так просто.

Следует отдать должное, попытались все. Один так усердствовал, что чуть не спалил ларец напрочь, из-за чего едва не был изгнан своими одногруппниками. Теперь я наконец-то увидела искренний интерес на лицах студентов. Как и второкурсники до этого, они сгруппировались вокруг стола, только не толкаясь и перебивая друг друга, а вполголоса обсуждая, что именно с моими чарами не так.

– Адорно, может, присоединишься? – спросил Яргер.

Молодой мужчина кивнул и, пройдя мимо студентов, склонился над шкатулкой.

– Это действительно схема Нулана?

– Да, это так.

– Но наверняка модифицированная.

– Под специфику задачи. Так вы будете пытаться разрушить чары?

– Было сказано, что «автомат» получит тот, кто откроет ее, не сломав, – уклончиво ответил маг.

Он изучил деревянную коробочку со всех сторон, а потом, одновременно нажав на

железные крепления с двух сторон, с едва слышным щелчком открыл ее.

– Она и закрыта-то всерьез не была. Что вы хотели показать этим? Что мы слишком опираемся на магию или что всегда есть другие пути?

– И это тоже. Хотя чары еще на месте, вы все же получите оценку «автоматом». Воспользуйтесь возможностью и перестанете ходить на мои занятия?

Адорно усмехнулся.

– Но ведь тогда я не узнаю, в чем секрет, так?

– Почему же не узнаете. Я скажу. Дело не столько в типе магии или толщине нитей. Все дело в плотности плетения. Да, это схема Нулана, но трехслойная, при этом каждый следующий уровень чуть сдвинут по отношению к предыдущему. И брешь бы не образовалась, даже если бы вы разрушили часть защиты. Меня научил подобному приему один артефактор из военного министерства. – Надо же, я впервые вспомнила о Шварце без потаенного страха или злости, более того – с долей благодарности. – Но если грейдорские военные артефакторы ведут разработку неуязвимых для боевой магии артефактов, то и в других странах делают то же. И это значит, что вам рано или поздно придется столкнуться с подобной проблемой.

– А вы знаете, как сломать ваш собственный артефакт с помощью боевой магии? – подала голос полненькая девушка.

Я сложила руки под подбородком, задумчиво разглядывая своих студентов.

– Нет, – призналась. – По крайней мере, не тратя на это колоссальное количество времени или сил. Но было бы весьма интересно узнать, есть ли другие способы. Вот что я и предлагаю вам попробовать выяснить на моем предмете. Вы ведь давно уже не дети, каждый – или почти каждый – имеет боевой опыт. И наверняка сталкивался со сложными ситуациями.

– Не в случаях с артефакторами, – отозвался Теодор. Упрямый блеск в его глазах сменился задумчивостью. – Допустим, чародеи и в самом деле могут создавать полезные артефакты или делать ловушки. Но знаете, о чем будет думать боевик, встретившись в непосредственной стычке с магом, пусть даже с ног до головы обвешанным артефактами?

– Как бы не прибить малахольного? – фыркнула я.

В этот момент со слабым скрипом приоткрылась дверь аудитории, отвлекая мое внимание от спора. Корбин Рихтер, стоявший на пороге, радостно скалил зубы и махал мне рукой. Я перевела несколько растерянный и смущенный взгляд на молодых боевиков, но их элементарист нисколько не смутил. Несколько человек посмотрели в сторону двери, но тут же отвернулись безо всякого интереса. Я вновь стрельнула глазами на учителя. Точно! Из-под распахнутого плаща Рихтера виднелся весьма знакомый пестрый шарф. Вот же наглец! Алхимик выпросил у меня артефакт невидимости еще до моей свадьбы. Для важного дела, как он объяснил. Потом мы поссорились, и у меня не было времени вернуть свою собственность. А этот тип, значит, просто разгуливает в моем шарфе по университету!

Рихтер зашел внутрь аудитории, прогулялся между рядами, заглянул в чью-то тетрадь и, стянув с соседней парты перо, решил внести какие-то пометки в чужие записи. Заметив, что я неодобрительно покачала головой, он скорчил жалобную гримасу, но тут же послушно вернул все на место.

– Фрау Шефнер, что-то случилось? – спросил один из студентов.

До конца занятия было около пятнадцати минут, и мне нужно было постараться не дать Рихтеру испортить за это время впечатление о моем предмете и обо мне. А мой наставник

был более чем способен на это.

Требовалось как-то перенаправить его дурную энергию себе на пользу.

— Знаете, а я ведь с вами соглашусь, Адорно. — Рассеянно вертела карандаш в руке, стараясь не смотреть в сторону алхимика, шатающегося вокруг группы студентов. — Мне приходилось сражаться с боевыми магами. Хотя сражение — это громко сказано. Сил хватило минут на пять, прежде чем я проиграла. И это учитывая, что мои противники не собирались меня убивать, а значит, были ограничены в выборе средств.

Скривилась, подняла глаза, ожидая увидеть насмешку или презрение на лицах своих подопечных. Не знаю, что было написано на моем, но большинство студентов отводили взгляд. Лишь льдисто-голубые глаза Адорно смотрели на меня не отрываясь, а губы сжимались в непонятном мне волнении.

— Я все вспоминаю то нападение и думаю, могла ли я что-то противопоставить им в тех условиях. И смогу ли сейчас, если ситуация повторится. И понимаю, что нет. Я ничего, абсолютно ничего не смогу сделать. По крайней мере, если не готова к нападению. Потому что вы правы — даже обвешавшись артефактами, я все же слабее боевого мага. Быстрая реакция, выносливость, готовность отвечать ударом на удар и терпеть боль — всего этого у меня нет и никогда не будет... Другое дело, если мне известно, кто мой враг и когда он может напасть. Или если я хочу сама напасть первой. Поверите ли вы мне, если я скажу, что могу каждого из вас без промедления убить так, что никто просто не успеет ничего предпринять?

— И как вы это сделаете? — хрипло спросил Адорно. — Что у вас есть сейчас, чтобы утверждать, что вы сможете заставить одного из нас хотя бы сдвинуться с места?

— Немного, но вполне достаточно, чтобы мои слова не были просто бахвальством. Во-первых, у меня есть знание. Я вижу ту ситуацию, в которой вы оказались, гораздо полнее. Во-вторых, я обладаю артефактами, свойства которых вам незнакомы, а значит, вы ничего не сможете им противопоставить. И, в-третьих, у меня есть союзник. — Теплая рука Рихтера легла на мое плечо. — Студент... Гроссман, кажется? Вы принесли боевое оружие в университет. Это запрещено. Мне придется его конфисковать.

— У меня ничего нет, вы ошибаетесь, — не моргнув глазом соврал парень с россыпью веснушек на носу.

Рихтер перегнулся через меня и с громким стуком положил на преподавательский стол остро заточенный стилет. Рядышком упали чьи-то: портсигар, тяжелый перстень, заколка для волос, шейный платок... И только затем алхимик стянул со своей шеи цветастый шарф.

Не знала, что Рихтер помимо всего страдает kleptomанией. Судя по его довольной улыбке, он ею скорее наслаждается.

— Он был здесь все это время?! — взволнованно воскликнула Анна Яргер, дотрагиваясь до своих волос.

— Не так долго, как вы думаете. Но вы не почувствовали ни как в аудиторию кто-то зашел, ни как у вас забирали вещи. Если бы мы хотели причинить вам вред, вы бы ничего не смогли сделать.

— И как мы не заметили, что наши вещи взяли? — хмуро спросил Гроссман. — Я бы ощутил, что кто-то крадет мой стилет.

Я красноречиво указала подбородком на шарф.

— Этот артефакт не столько делает его владельца невидимым, сколько отвлекает от него взгляд. Возможно, вы что-то и почувствовали, Гроссман, но стоило вам посмотреть на

источник вашего беспокойства, как сознание уводило вас в сторону. Ментальные чары.

– Единственные во всем Грейдоре. Еще одна иллюстрация к тезису фрейлейн Вернер о том, что не стоит недооценивать магов и чародеев любого направления – артефакторов, менталистов, целителей, алхимиков.

– Фрау Шефнер, – прошептала я.

– Что, Софи? – Рихтер склонился ко мне. Я раздраженно повторила:

– Фрау Шефнер, мастер.

– Да без разницы.

Если бы не студентка Яргер, отвлекшая меня от алхимика, неизвестно, что еще я бы наговорила ему при студентах.

– Вы Корбин Рихтер, повелитель стихий?!

– Ох, как давно меня так не называли, – промурлыкал маг. Уселся на стол и, перекинув через него ноги, добродушно уставился на шестикурсников, словно кот, к которому пришла делегация мышей. Будто решая – съесть ему их или позволить себя развлечь.

Усатый крепыш несмело поднял руку.

– А это правда, господин Рихтер, – спросил он, – что вы как-то сумели остановить землетрясение в Дольгане и спасли город?

– Нет, конечно. Это не в моих силах. Но я узнал о том, что землетрясение будет, за пару дней до трагедии. Население удалось вовремя эвакуировать.

– Ого! А Ролло Железнобокого тоже вы схватили?

– А, этого идиота до сих пор так величают? Слышал, его называли сильнейшим боевым магом десятилетия. Да, скрутил его. Хотя без некоторых разрушений не обошлось...

Вопросов было много, и алхимик щедро делился своими успехами, и в самом деле впечатляющими. Но вот, к примеру, рассказывать студентам про то, как он вместе с СБ сорвал покушение на императора – это не нарушение секретности?! Или про то, как они с Джисом ловили Франка? Даже не задумывается, что он, возможно, задевает мои чувства. Явился, украл мою славу. А теперь еще и выпендривается. Я напряженно сверлила его спину, но если Рихтер и чувствовал на себе мой взгляд, то не подавал вида.

– А вы... пришли к нам или к фрау Шефнер? – стеснительно спросила та самая пухленькая девица, чье имя я никак не могла запомнить. На лице ее при этом всю цвел румянец, а глаза нездорово блестели.

– На самом деле я к Со... вашей преподавательнице.

– Жаль, – вздохнула она.

Я пододвинула к себе список студентов и нашла имя девицы. Гелла Фихтенброк. Что ж, фрейлейн Фихтенброк, теперь я вас не забуду.

– Не стоит расстраиваться, милая девушка. Ваш декан слезно умолял меня позаботиться о его птенчиках, и вот я здесь, – подмигнул Рихтер. – Буду лично вести факультатив по криминалистике у магистров. И кстати, птенчики, посещение обязательное, что бы вы там ни думали.

Желающих возразить не было.

Я откашлялась, обращая на себя внимание.

– Господин Рихтер, давайте не будем задерживать студентов. Время занятий вышло. Свои вещи можете забрать. Все, кроме стилета. За ним нужно будет подойти к декану.

Гроссман грустно вздохнул, но спорить в этот раз не стал. И как мне кажется, отнюдь не из-за моего авторитета, напрочь уничтоженного Рихтером.

Когда шестикурсники вышли из аудитории, я, не обращая внимания на алхимика, начала складывать все в ридикюль. Шарф тоже запихала. С особым остервенением.

– Вижу, ты не в духе. Хорошо же все прошло, Софи. Ты очень убедительна в своей роли.

Покровительственные, чуть высокомерные интонации в голосе алхимика исчезли, стоило уйти его поклонникам. Я всегда знала, что он любит покрасоваться, но чтобы настолько...

– Спасибо, мастер.

– Хо-хо. Хо-хо. Хо-хо-хо...

Я подняла взгляд, с трудом сдерживаясь, чтобы не треснуть наставника сумкой по голове.

– И что вы делаете, мастер?

– Смеюсь, – с достоинством ответил Рихтер, качая ногой. С преподавательского стола он так и не слез, напротив, еще вольготнее на нем расположился. – Потому что на твоём «спасибо» хочется удавиться. А я, между прочим, скучал, волновался...

– Это правда, что вы будете вести факультатив у боевых магов? – прервала его я.

– Угу.

– И как вам удалось убедить Крамера вас взять?

Рихтер вскинул бровь.

– Убедить? Ну ладно. Я немного приврал, говоря, что Крамер попросил меня вести криминологию. Он, если честно, не очень меня не любит.

Зная характеры обоих магов, я бы сказала, что вероятнее всего педантичный и серьёзный Крамер просто ненавидит насмешливого и себялюбивого алхимика.

– Но при этом все равно взял.

– Потому что я лучший, а Крамер не такой дурак, чтобы отказываться от моей помощи.

– Но зачем это вам, мастер? У вас ведь и так много обязанностей.

– От одного-двух занятий в неделю забот не сильно прибавится, зато мы сможем видеться чаще. Ты совсем забыла своего старика.

– Если я и испытываю к вам какие-либо чувства, то уж никак не дочерние, – фыркнула я.

Спустилась с помоста, но до двери дойти не успела. Рихтер преградил мне путь, склонился и шумно втянул воздух носом.

– Вкусно пахнешь, – пробормотал он, алчно блеснув глазами.

Терпеть не могу, когда он говорит такие смущающие вещи. Стараясь сохранить достойный вид и не покраснеть, как Фихтенброк недавно, я попыталась обойти мага, но тот схватил мои ладони и поднес их к своему носу, принюхиваясь.

– Вкусно... – он облизнулся. – Домашней едой пахнешь. Слушай, а у тебя ещё осталось?

В животе потянуло от голода, напомнив, что я сама не ела с раннего утра, а в преподавательской остался сверток от фрау Грохенбау. И как бы я ни злилась на Рихтера, оставить его голодным не могла.

– Пойдемте, мастер. Я вас накормлю.

Корбин Рихтер

Подцепив последний бутерброд, Корбин задумчиво взглянул на него и, одобрительно кивнув самому себе, отправил его следом за двумя предыдущими. Не оставлять же несчастного страдать в одиночестве?

Софи ушла решать какой-то вопрос с деканом, оставив его в полном одиночестве. Те преподаватели, кто задержался в кабинете после пар, увидев алхимика, быстро свалили. Особенно весело улепетывал хорошенький лермиец. Рихтер кривовато улыбнулся, вспомнив реакцию этого Моретти. Что ж, обычные люди всегда презабавно реагируют на его глаза.

Корбин растянулся на неудобном кресле, закинув ноги на чей-то стол, лениво обвел преподавательскую взглядом, зацепившись им за огромный ридикюль Софи, так неосторожно оставленный в кабинете. Интересно, что она с собой носит? Наверное, кучу артефактов, а еще, может быть, всякие женские штучки, хотя он никогда не видел, чтобы она красилась. Вероятно, у нее и портретик мужа есть с собой. Обычно довольно прагматичная Софи относилась к Мартину и всему, что было с ним связано, с необыкновенным... как бы это сказать... трепетом?

Это раздражало. Мартин Шефнер точно не был тем человеком, которым кто-то мог восторгаться. Особенно Софи. Он явно не заслужил такую любовь жены к себе. Однако почему его самого так это задевало? Слишком сильно. Если это результат магического договора, то вообще удивительно, как учителя в итоге отпускали своих учеников на свободу, а не привязывали к себе на веки вечные. Но, может, это он такой ущербный, раз цепляется за свою ученицу?

В последнее время Корбин часто размышлял о той связи, что возникла между ним и Софией Вернер. Вначале ему было интересно почувствовать себя в роли наставника... а потом все резко усложнилось. И дело не только в том, что, будто ему назло, вышла замуж за занудного Шефнера. Нет, все началось раньше. Какие-то неправильные мысли и совершенно неправильные и неуместные чувства.

Это не было влюбленностью, и уж тем более не было эротическим желанием, вызванным красивой, но по определенным причинам недоступной женщиной. Но и отеческих чувств к своей ученице алхимик не испытывал, тут он мог согласиться с Софи. Дружба? Может быть, хотя дружить с симпатичными женщинами казалось Корбину чем-то противоестественным. Если он не разберется с этим вопросом в ближайшее время, то его голова точно треснет.

В кабинет зашел старичок в очках, напевая что-то себе под нос. Заметив Рихтера, он остановился, осуждающе окинув его взглядом.

— Это, между прочим, мой стол.

— Прошу прощения.

Рихтер поднялся и пересел за стол Софи.

— Ну и кто вы такой будете, молодой человек?

— Корбин Рихтер, алхимик, — удивленно ответил маг. — Буду вести факультатив по криминалистике. И еще я наставник и друг Софи. А вы кто?

— Ларс Муниг, профессор истории. А супруг фрау Шефнер знает о вашей дружбе с его

женой? – строго спросил старик, бросив испытующий взгляд поверх очков.

– Да у бедняги от скрежета уже все зубы стерлись. А сделать ничего не может, – с плохо скрываемым злорадством ответил Рихтер. – И если что, когда я говорю о дружбе, то имею в виду дружбу и ничего больше.

Софи точно его убьет, если из-за нескольких неосторожных слов по университету поползут слухи об их любовной связи. Как-то плохо у нее в этом плане с чувством юмора, совсем как у Марти.

– Не сомневаюсь. Фрау Шефнер производит впечатление пусть и легкомысленной, но порядочной женщины.

Софи все не возвращалась, и Корбин совсем заскучал. Он задумчиво посмотрел на неспешно собирающегося профессора и, подкравшись к нему со спины, спросил:

– Вы разбираетесь в истории магии или только военную знаете?

Муниг вздрогнул и, неуверенно покосившись на алхимика, ответил:

– Всю жизнь преподавал у магов. То у целителей, то у менталистов... в последнее время все как-то больше с боевыми магами приходится иметь дело. Так что пришлось разбираться.

Корбин расстегнул запонку, закатал рукав на правой руке и протянул ладонь профессору.

– А вот что это такое, знаете?

Муниг задумчиво пожевал нижнюю губу, разглядывая тонкую полоску шрама, а затем нахмурился.

– Я видел что-то подобное на левой ладони фрау Шефнер, но не придал значения. Получается, когда вы говорили о наставничестве, вы имели в виду магический договор?

– Вы действительно в теме, – обрадовался Корбин. – И что думаете?

– А что я должен думать? – пожал плечами историк. – Подобная магия – вещь сложная и рискованная, о которой не принято говорить вслух, не говоря уже о ведении каких-либо записей. Вам должно быть виднее, господин Рихтер.

Корбин почувствовал разочарование. Ну и где мудрый совет от старца, когда он ему так нужен?

В дверях появилась Софи, кинула на алхимика весьма красноречивый взгляд – дескать, хватит докапываться до несчастного профессора, и вопросы о магическом договоре пришлось отложить. Схватив свою сумку, чародейка, не дожидаясь наставника, вышла из кабинета.

– Я к вам потом подойду. Будет замечательно, если вы для меня что-то найдете, – сказал Корбин не слишком-то доброжелательному старичку. – Рассчитываю на вас, профессор.

Не обращая внимания на дикий взгляд ошарашенного такой наглостью Мунига, Корбин выскочил вслед за Софи. Нагнал ее за пару шагов, легкомысленно спросил:

– Ты куда сейчас? Поедешь домой?

– Сначала хочу заехать к тетушке Адель и Петеру, – коротко ответила чародейка, несясь вперед так, будто надеялась от него оторваться. Бесполезное дело, учитывая разницу в росте и его лучшую физическую подготовку.

– Тогда я с тобой. Давно не видел Петера, с твоей свадьбы.

Софи мученически закатила глаза, но возражать не стала.

У новенького, будто прямо с завода, автомобиля стояла знакомая Корбину женщина.

– Эзра, как жизнь?

– Господин Рихтер, – едва заметно скривилась телохранительница. – Фрау Шефнер?..

– К несчастью, он с нами. Эзра, вы помните, где находится дом фрау Ратцингер?

Телохранительница молча кивнула, садясь на водительское кресло и игнорируя просящий взгляд чародейки. Тихонько вздохнув, Софи уместилась рядом с Корбином на заднем пассажирском сиденье. Вытянула ноги, насколько удалось в небольшой кабине, и откинула голову на спинку, прикрыв веки.

Только сейчас маг понял, насколько усталой выглядела его ученица. Или расстроенной? Складка между бровей так и не разгладилась, а линия рта оставалась напряженной. Он не привык видеть ее такой. Сердце Корбина кольнуло сожаление.

– Прости меня, – тихо сказал он. – Если я что-то делаю не так, то не специально. Совсем не для того, чтобы позлить тебя или обидеть.

– Я знаю, мастер.

Алхимик хотел было коснуться плеча девушки, но передумал. София выглядела хрупкой и слабой, но не была такой. Жалость бы ее унизила. Или он сам боялся показать хоть что-то, что выбивалось из той роли учителя, что он играл?

Не важно, что было между ним и Софи на самом деле. Дружба, магическая связь или что-то еще. Но это были единственные отношения в жизни Корбина, по крайней мере на данном отрезке жизни, которые были для него важны. И это пугало, заставляло его теряться.

Нет ничего хуже, чем расстроенный повелитель стихий. По крыше машины забарабанили крупные капли дождя.

– Странно, – пробормотала Эзра, снижая скорость. – Вроде бы небо было ясным.

Корбин промолчал, уставившись пустым взглядом в окошко автомобиля. Не самое лучшее время говорить Софи, что он не собирался портить ей свадьбу. Потому что элементалисту, потерявшему контроль над собой, едва ли позволят находиться в столице. А он не имел права бросать сейчас свою ученицу. У него были весьма плохие предчувствия, а потерять ее он просто не мог себе позволить.

* * *

В автомобиле Рихтер притих, и до дома тетушки Адель мы доехали в молчании. Я еще злилась на мага за его вольное поведение с моими студентами, да и за шутку на свадьбе, но вновь видеть алхимика на самом деле было приятно. Я скучала. По его невыносимому юмору, по дурацкой ухмылке, по бесстыжим зеленым глазам и по той легкости, что была в нашем общении.

Вот только больше никакой легкости не было. Я о многом могла бы спросить наставника и многое сказать ему, но вместо этого предпочла сделать вид, будто задремала.

Автомобиль плавно остановился у симпатичного коттеджа тетушки Адель, и я искоса посмотрела на Рихтера.

– Ты точно хочешь зайти?

Он пожал плечами:

– Почему бы нет? И не беспокойся, что я помешаю тебе поговорить с Петером наедине. Я не настолько бестактный. Тем более что с тетушкой Адель мы ладим, так что старушке будет приятно, если я с ней почаевничаю.

Фрау Ратцингер, видимо, услышала звук подъезжающей машины, потому что уже встречала нас на улице. Опрятная моложавая дама с мягким круглым лицом тепло улыбнулась, заключая меня в объятия.

– Софи, как же я рада тебя видеть!

– И я вас!

Я искренне обняла тетю мужа в ответ. Мне повезло с его родственниками – еще до нашей свадьбы с Мартином они стали для меня практически семьей. Хотя, наверное, вспоминать, как часто Петер делал мне предложение руки и сердца, не стоит лет двадцать. Или по крайней мере до женитьбы самого Петера. Нет-нет, я не скажу, что мой муж ревнив, но я совсем не удивлюсь, если у него в сейфе хранятся досье на всех мужчин, с кем мне так или иначе приходится пересекаться. И то, что Петер был его племянником, не улучшало, наоборот, усугубляло ситуацию.

– И Корбин с тобой? – с прохладцей спросила пожилая менталистка, поправляя волосы и игнорируя распахнутые объятия Рихтера. – Таскаетесь за чужой женой, господин алхимик?

– Как можно?! – возмутился маг. – Как можно не таскаться за чужой женой, если я таким образом могу насолить ее мужу? Тем более если этот муж – Мартин Шефнер. Вы знаете, как сложно вывести его из себя? Грех не воспользоваться шансом.

– Не обращайтесь внимания, тетушка. Мой наставник шутит. – Я строго посмотрела на алхимика-элементалиста. – Он, как и я, волнуется о здоровье Петера, хоть и не хочет это признавать.

Взгляд женщины смягчился.

– Ладно, заходите, молодой человек. Заодно поговорим о правилах поведения.

Рихтер, будто нашкодивший мальчишка, втянул голову в плечи, но назад ходу уже не было. Оставив его с тетушкой Адель в гостиной, я постучала в дверь гостевой спальни, занимаемой Петером фон Шефнером, моим другом и бывшим сокурсником. Здесь он жил уже больше двух месяцев, и не то чтобы по своему желанию.

Открывший мне дверь артефактор мало походил на того жизнерадостного обаятельного юношу, которого я знала раньше. И дело не в том, что он похудел или утратил здоровый цвет лица. Просто во взгляде не было такого интереса к жизни, как прежде, а движения утратили легкость и энергичность. Петер казался тенью самого себя. Но зато в этот раз приятель улыбнулся мне, глядя прямо в глаза, а не растерянно-виновато пялясь куда-то за мое плечо. Ему становилось лучше.

Военный министр Гайне воспользовался Петером, чтобы добраться до меня и Мартина, притом сделал это самым поганым образом. Мой друг больше дюжины дней находился под сильным ментальным внушением и до сих пор так и не восстановился после него. Заикание и ночные кошмары почти прошли благодаря лечению тетушки Адель, но Петер до сих пор с неохотой вспоминал о тех днях. К тому же, кажется, его мучила вина за то, что он не смог защитить меня и подвел своего дядю. Но если со мной он как-то мог общаться, то Мартина избегал.

– Петер! – Я порывисто сжала его прохладную ладонь.

Артефактор поспешно втянул меня внутрь комнаты.

– Ты же не с дядей в этот раз приехала? – встревоженно спросил он. – Я слышал еще чей-то голос.

– Нет, это Рихтер. Выйдешь?

– Может быть, потом. Не то что я не желаю его видеть... но сейчас я хочу с тобой больше пообщаться. И без пристального внимания тетушки. Как твои дела? – Он окинул меня немного удивленным взглядом. – Ты сегодня одета скучнее обычного. И не говори, что дядя специально вынуждает тебя носить такие ужасно старомодные наряды!

Я обиженно разгладила коричневую плиссированную юбку и оправила рукава строгого жакета.

– Это мой костюм для университета, – чопорно ответила.

– Я совсем забыл. Сегодня же твой первый день в новой должности. И как они, боевые маги?

– Второй курс ничего так, думаю, я с ними полажу. Со старшими студентами... сложнее.

– Ты не сильно старше их, так что неудивительно, что тебе с ними не так просто. Тут одними университетскими правилами не обойдешься. Чтобы удержать их в узде, нужны средства посильнее.

– Вроде хлыста? – хмыкнула я.

– О-о-о, шикарная идея! Отличный был бы тебе подарок...

– Спасибо, у меня уже есть.

Покачала головой, поражаясь, как сильно совпадает чувство юмора у Рихтера и Петера. И насколько мой друг отличается от Мартина. Даже внешне. Вроде бы все те же темные глаза и волосы, резкий изгиб бровей, нос с горбинкой. Но черты лица мягче и тоньше, хотя и не менее выразительные, чем у мужа. Петер по-настоящему красив. Страшно представить, каково придется его жене, тем более учитывая, сколь легкомысленно мой друг относится к флирту.

В этом он тоже не похож на моего мужа. Я знаю, что Мартин никогда не посмотрит на другую женщину. По крайней мере пока мы с ним вместе. В этом большое преимущество быть парой менталисту – они прикипают к своим партнерам. И оттого так отчаянно стремятся привязать к себе любыми способами тех, кого полюбили. Иногда это приводит к катастрофе, как это было с тетушкой Адель. Но мне с моим менталистом повезло. Инстинкты собственника у него если и не блокировались полностью, то хоть как-то уравнивались свойственной Мартину рассудительностью. Которая и подсказывала ему, что если он слишком сильно закрутит гайки, то, когда я сорвусь с «крепления», мало никому не покажется. И в этом была суть наших отношений – всегда осторожное, аккуратное прощупывание границ друг друга, а где-то и проверка на прочность.

И сейчас рядом с Петером, пусть и болезненно-уставшим, я поняла, что даже мой любимый муж не сможет заменить мне общение с другом. Во всяком случае, обсуждать с Мартином свои наряды или выслушивать от него критику я точно не была готова. А вот Петеру прощалось гораздо больше.

– Когда ты вернешься к работе? – поинтересовалась, устраиваясь на подоконнике между двумя горшками с петуниями.

– К какой? – кисло спросил Петер. – В СБ точно делать нечего, в департамент магии мне и самому не хочется.

– Ты можешь вернуться в военное министерство. Ты замечательный оружейник, – напомнила я.

– В министерство? После всего...

– Ты же ладишь со Стефаном Ланге. Он будет рад тебя видеть среди своих артефакторов.

– Так и представляю его самодовольство, когда он станет моим боссом, – проворчал барон Шефнер. – Но я подумаю, честно.

– И свадьбу больше не откладывай. Ты же знаешь, как это важно для Марты.

Петер закатил глаза.

– Вот уж не ожидал твоего участия в женском заговоре. Или это на тебя новый статус так

влияет? Кстати, как тебе в роли замужней дамы?

Скинув туфли, поджала под себя ноги. Задумчиво повела плечами.

– Не знаю. Иначе, чем я думала. Спокойнее. Легче. Хоть без ссор и не обходится.

– Удивительно, что ты вообще способна ужиться в одном доме с этим невыносимым человеком.

Петер пошарил под своей кроватью и вытащил на свет уже початую бутылку.

– Вишневая наливка тетушки. Отметим начало твоей взрослой жизни?

– Мартин будет ругаться, если я приду выпившая, – призналась, вздохнув.

– Значит, со взрослой жизнью я несколько поторопился, – заметил артефактор, щедро плеснув наливки в кофейную чашечку, пылившуюся до этого на полу.

– Брак – это ответственность, взаимные уступки и... Ладно, наливай. Но только совсем немного.

Из комнаты я выходила в самом благодушном настроении. И слегка придерживаясь за стеночку. Тетушка Адель и Рихтер встретили мое появление с каменными лицами, что показалось мне невероятно забавным, и я не удержалась от глупого смешка.

– Иди проверь Петера, Корбин. А я пока Софи постараюсь напоить кофе, – вздохнула фрау Ратцингер. – И ведь знает малец, как плохо его подруга переносит алкоголь. Стоит вспомнить свадьбу...

– Я вела себя очень прилично! – нахмурилась. Посторонилась, пропуская Рихтера, и еле удержалась от того, чтобы не дернуть его за хвостик светлых волос, доходящий уже до лопаток. – Наставник, давайте я вас постригу? А то что вы вечно лохматый ходите?

– Вот на свадьбе ты тоже это предлагала. И весьма кровожадно хваталась за нож для торта. Причем торт еще не принесли! – ответил Рихтер, прибавив шаг.

Я попыталась элегантно усесться на диванчик. Получилось так себе.

– Какие же мужчины бывают нытики! – доверительно поделилась я с тетушкой. – О чем вы с ним говорили?

– О всякой ерунде, – отмахнулась она от вопроса. – Не стоит тебе пить. И надеюсь, ты больше не куришь. Некоторые целители считают, что это может плохо повлиять на неродившееся дитя.

Я аж протрезвела. Не глядя отпила остывший чай из чашки Рихтера и тогда уже переспросила:

– Какое дитя?

Тетушка понизила голос:

– Ты теперь замужем, так что должна понимать, что можешь быть уже в положении.

– Это точно исключено. Я предприняла все необходимые меры.

И тут же вспомнила, что Мартин просил не обсуждать эту тему с его тетей. А если и сделаю подобную глупость, то ни в коем случае с ней не спорить. Пожилая менталистка уже несколько лет грезилась желанием понянчить на руках маленьких Шефнеров.

– Что? – нахмурилась тетушка. – Только не говори, что ты используешь артефакты для того, чтобы не забеременеть!

– Нет, конечно, лишь таблетки от надежного целителя. Никаких побочных эффектов за полгода не обнаружилось... Ой!

– Да я и не сомневалась, что вы не будете дожидаться свадьбы, – фыркнула она. – Но ты уже две недели фрау Шефнер. Зачем тебе эти таблетки сейчас, милая?

Еще один совет мужа – если что, сваливать все на него.

– Мартин решил, что нам стоит немного подождать, пока в Грейдоре станет чуть спокойнее и у него поубавится работы.

– Этого никогда не случится, Софи, – расстроено покачала головой тетушка. – Всегда будут какие-то препятствия... и отговорки. Но дети – это большое счастье, пойми. Не лишай себя материнства из-за своих страхов или амбиций.

Я не ждала, что менталистка поймет или поддержит меня, но испытала разочарование, так что просто промолчала, сделав вид, что меня больше интересует бисквитное печенье, которое принесли вместе с кофе.

Появление Рихтера я встретила с облегчением. И язвить не стала, когда почувствовала, что от него тоже пахнет наливкой.

– Мне пора, тетушка. Хотелось бы вернуться домой раньше Мартина.

– Твой муж приходит домой так поздно? – возмутилась она, глядя на часы.

– Я же говорю, у него много работы.

Рихтер проводил меня до машины, а сам решил прогуляться до дома пешком.

– Мастер! – окликнула я его из окна автомобиля, пока он не успел далеко уйти. – Так о чем вы хотели поговорить со мной?

Алхимик вернулся. Склонился, опираясь на блестящую крышу моего пузатика.

– О возобновлении твоих уроков. Точнее, о настоящем их начале. Я заметил, что связь между нами несколько стабилизировалась. Тебе ведь теперь стало гораздо легче работать с большим количеством силы?

– И чему вы хотите меня учить?

– Древним заклинаниям, – пряча хитрющую улыбку в уголках губ, ответил Рихтер. – И еще немного управлению погодой. Кто знает, может, тебе и это удастся?

Легко щелкнув меня по кончику носа, он развернулся и, насвистывая, удалился. Я задумчиво потерла пострадавший нос. Вот умеет же он заинтересовать!

Оказаться дома раньше мужа не удалось. Он уже сидел у разожженного камина, грустно разглядывая висевший над ним фотографический портрет. Мы сделали его за пару дней до свадьбы, а потом я лично повесила рамку на самое видное место. На фотографии Мартин выглядел ужасно важным, а я казалась весьма миленькой, хоть и немного испуганной. Не потому, что боялась фотографироваться: просто Мартин пообещал, что если я буду мешать фотографу работать, выпрашивая его об аппаратуре, то мы тут же уйдем домой.

– Приехала наконец... – тоскливо вздохнул Мартин. – Ночью, пьяная...

Как он определил это с такого расстояния?

– И не пьяная, а чуть-чуть выпившая.

– А я-то надеялся, что хоть однажды моя дорогая жена встретит меня так, как полагается встречать усталого мужа с работы. У дверей, с улыбкой на лице, с обещанием поцелуя...

– Я же встречала, – попыталась оправдаться. – Три дня назад, помнишь? Еще и поцеловала!

– Тогда от тебя пахло машинным маслом. Ты даже испачканные перчатки не сняла, прежде чем хвататься за новый костюм любимого супруга.

– Не нужно быть таким капризным.

Поцеловав мужа и уже не боясь, что он почует запах алкоголя, уселась к нему на колени. Он обвил меня руками и уткнулся лбом в плечо.

– А теперь от тебя пахнет дождем, – тихо произнес.

– На улице был дождь, но я под него так и не попала.

– Мне не нравится. От тебя должно пахнуть домом и мной. А не дождем.

Отстранила голову Мартина от себя, запутавшись пальцами в жестких волосах.

– Ну так оставь на мне свой запах, – прошептала я.

Целовались мы долго и со вкусом, наслаждаясь тем, что больше не надо ни скрываться, ни торопиться. Хотя вошедшего с подносом слугу все же смутили. По крайней мере, тихо удалиться он не смог.

– Поднимемся наверх? – чуть задыхаясь, спросила я. Сейчас мне хотелось совсем не чая.

Долго уговаривать супруга не пришлось. И из объятий меня не выпустили, так и понесли по лестнице, едва ли не под мышкой. Ладно хоть не за ногу волокли, а то, кажется, передумай я или выкажи немного сопротивления, так бы со мной и поступили. Вот вроде бы воспитанный человек, потомственный аристократ. И откуда в нем столь варварские замашки? Или это я на него так плохо влияю? Захихикала, поняв, что хмель до сих пор не выветрился. Меня аккуратно встряхнули. Скорее погладив, чем шлепнув по мягкому месту, заставили притихнуть. Удивительно, как сильно на меня влияли даже самые невинные прикосновения мужа.

Первое время, когда наши отношения перешли в горизонтальную плоскость, я больше получала удовольствия от новизны ощущений и возможности узнать Мартина практически заново. Не как заботливого, довольно сдержанного, порой весьма насмешливого поклонника, а как щедрого и страстного любовника. Меня просто завораживала его двуликость, как и то, что эту сторону видела только я. Со временем новизна должна была бы пройти, но этого не произошло. Более того, я открыла для себя, что в подобной близости дарить ласки не менее приятно, чем их получать.

Мне нравилось дразнить мужа, медленно раздевая его и не позволяя мне помогать. Невзначай притрагиваться к его груди, снимая рубашку, или слегка царапать ногтями низ живота, расстегивая ремень, и слышать, как прерывается его дыхание, а тело каменеет. Мне нравилось дарить поцелуи. Робкие и легкие. И медленные, тягучие, оставляющие после себя влажный след от губ и языка. Прикусывать нежную кожу шеи и касаться напряженной плоти. Сжимать бедра Мартина ногами, привлекая к себе и требуя большего. Или устраиваться сверху, устанавливая свои правила игры, чтобы затем вновь оказаться под ним, ощущая тяжесть мужского тела на себе.

Уж не знаю, дошли ли в этот момент до Мартина какие-то мои эмоции или мысли, но на сей раз мне никакого простора для действий не предоставили. Да я и не возражала. Такой Мартин, эгоистичный и грубоватый в постели, меня тоже вполне устраивал. Разве что, уже раскинувшись на простынях полудохлой морской звездой, я поняла, что сил во мне не осталось даже на то, чтобы попросить попить или донести меня до ванной комнаты.

– Это было наказание за позднее возвращение домой или награда за что-то? – спросила, немного придя в себя.

– Подарок от любящего мужа, – шепнул Мартин и, несмотря на мое слабое возмущение, сгреб меня в объятия. – Замерзнешь, дурочка.

Уже утром, глянув в зеркало, я оценила все коварство «подарка»: наверное, еще неделю не смогу носить платья с открытым воротом, если, конечно, не захочу шокировать своих коллег и студентов.

Солнечный луч упал на лицо жены раньше, чем Мартин успел задернуть плотные шторы. Она поморщилась и приоткрыла глаза.

– Уже уходишь? – голос у Софи чуть хрипловатый.

– Да, сегодня много дел.

Она села, подтягивая коленки к груди. Светлые волосы разметались по хрупким обнаженным плечам, губы чуть припухли от ночных поцелуев, а все еще сонные серые глаза наполнены такой теплотой и нежностью, что Мартин на мгновение замер.

– А ведь у некоторых людей, как я слышала, после свадьбы бывает медовый месяц, – заявила между тем его жена, сщеживая зевок в ладошку. – Когда они проводят все время вместе, путешествуют или наслаждаются неспешными прогулками по морскому берегу.

– Как только я разгребу все свои дела, мы обязательно съездим к морю.

Софи вздохнула.

– Врун. Иди сюда, завяжу платок.

С шейным платком жена возилась едва ли не вечно, а закончив, довольно кивнула.

– По-моему, неплохо получилось.

Одного взгляда в зеркало Мартину хватило, чтобы понять, что Софи несколько переоценила результат своей работы, но менталист решил мудро смолчать: в конце концов, она действительно пытается стать той самой образцовой женой, которую, как ей кажется, он хочет видеть рядом с собой. Заботливой, ласковой, внимательной и послушной...

И эти попытки настолько забавны и милы, что Мартин сделал вид, что именно этого он и ждал от нее.

– Спасибо, милая, – менталист склонился и поцеловал жену в одну из коленок. – Люблю тебя.

– А левую что, не любишь? – фыркнула жена. – Я скоро начну ревновать тебя к собственным ногам.

– Перестань считать меня извращенцем! – возмутился Мартин и, не удержавшись, погладил жену по стройным щиколоткам.

– Фетишист, – вздохнула Софи. – Стоило бы догадаться. Ты уже во вторую нашу встречу проявлял свои грязные наклонности.

А сама меж тем невзначай провела ступней по его ноге, медленно и неторопливо приближаясь к внутренней стороне бедра и выше. Менталист перехватил нахальную конечность и пощекотал пятку.

– Ай!

Софи вырвала ногу из цепких пальцев мужа и погрозила. Взгляд у нее при этом был хитрый-хитрый...

– Провоцируешь? К несчастью, я и в самом деле должен идти, – Мартин с сожалением поднялся, – но ты можешь заглянуть в СБ, принести обед...

– Скорее всего, я тоже буду занята.

– И чем же?

Софи пожала плечами и накрыла голову подушкой.

– Идите уже, господин Шефнер.

Было не похоже, что жена на него дует, но ее явно что-то тяготило. Еще вчера Мартин заметил некоторую рассеянность во взгляде Софи, но списал это на усталость. А теперь

видел, что ее действительно что-то мучает.

– Если ты хочешь поговорить, я могу позволить себе немного опоздать.

Ответа так и не последовало.

Порой менталисту было сложно понять свою жену. Едва ли не больше, чем она сама, он знал о ее привычках, привязанностях, прошлом и планах на будущее. Да и Софи, в отличие от него, почти ничего никогда не скрывала. Честная, открытая, иногда больше, чем следовало бы быть жене главы СБ.

Но при этом Мартин чувствовал, что какая-то часть ее жизни для него недоступна. И кажется, начал понимать, кто на нее претендовал.

– Все еще беспокоишься из-за Рихтера? – спросил тихо.

София подвинула подушку, взглянув на мужа.

– Я вчера видела мастера.

– И что? Вы помирились?

Осторожный, почти равнодушный интерес. Ни одной лишней эмоции на лице. Но Софи была чересчур поглощена своими мыслями, чтобы заметить, как напряжена сейчас линия губ Мартина, как холоден взгляд.

– Да... наверное. Он хочет продолжить наши занятия.

– Это будет неуместно, впрочем, как неуместно теперь и твое ученичество. Ты замужем. Я поговорю с ним о расторжении вашего договора.

– Я сама с ним поговорю, – излишне торопливо сказала Софи. – Но, знаешь, это было бы неплохо – научиться настоящим заклинаниям.

– Зачем тебе это? Ты талантливая чародейка.

– Только хорошего мага из меня все равно не получится, так? – договорила она за Мартином. – Конечно, ты прав. Однако если наш с Рихтером договор дал мне силы больше, чем есть у любого артефактора, неплохо бы научиться это использовать.

– Помнишь, я когда-то предупреждал тебя, к чему может привести твое желание создать ментальный артефакт? И что получилось в итоге? Ты привлекла внимание ненужных людей, и твоя жизнь подверглась опасности. Так послушай меня хоть сейчас. Я не сомневаюсь, что ты можешь освоить сильные и опасные заклинания. Кто знает, может быть, даже что-то из магии стихий. Ты будешь считать это своим преимуществом, но это станет твоей слабостью, Софи. Потому что тебе захочется применить свои новые навыки, и, что еще хуже, ты будешь полагаться на них. И рано или поздно это приведет ошибке.

Шефнеру хотелось бы уповать на то, что задумчивость на лице жены породили именно его слова, но чародейка разбила все его надежды.

– Думаешь, я смогу освоить стихийную магию? Если у меня получится создать артефакт, влияющий на погоду, это же будет... Мартин? Ты выглядишь каким-то... расстроенным.

Злиться на жену, когда она лежала в их супружеской постели восхитительно обнаженной, оказалось сложно. К тому же было очевидно бесполезным что-либо ей запрещать. Упрямство – семейная черта Вернеров, и, скажи он Софи, что ей нельзя учиться у Рихтера, это вызовет обратный эффект. Стоило пойти другим путем.

– Просто волнуюсь за тебя, – притворно вздохнул Шефнер. – Корбин Рихтер неплохой человек, но не всегда бывает... разумен и осторожен. К тому же обладает несколько сомнительной репутацией в отношениях с женщинами. Поэтому могу я попросить о сущей мелочи? Пусть ваши занятия проходят в СБ. Тренировочные полигоны службы хорошо оснащены, да и мне будет спокойнее, если ты будешь рядом.

У Софи не было причины отказывать своему мужу в просьбе, хотя если бы она увидела злорадную улыбку Мартина, покидавшего дом, то, возможно, передумала бы.

Шефнер отлично знал, что Рихтер терпеть не мог появляться в СБ. За последние несколько лет он сделал одно исключение – когда выгораживал свою свежее испеченную ученицу, тогда еще Вернер, перед Мартином. Но появляться в «крысином гнезде» регулярно и помимо прочего демонстрировать свой драгоценный дар всем любопытствующим?! Элементалиста едва ли надолго хватит. Особенно если слегка его... спровоцировать.

На встречу с канцлером Мартин опоздал, к тому же явился во дворец с перекошенным узлом шейного платка, вызвав у Тренка, прекрасно знающего педантичность главы службы безопасности, понимающую усмешку.

– Вижу, семейная жизнь идет тебе на пользу. Стал похож на живого человека.

Шефнер вздернул темную бровь, но промолчал. Протянув канцлеру документы, он встал у приоткрытого окна, занявшись набиванием трубки. С некоторых пор менталист избегал курить дома, опасаясь вызвать у жены вполне заслуженное раздражение.

– Хорошо, – кивнул Тренк, просмотрев бумаги и вытащив пару листов из стопки. – Это я оставлю себе, если не возражаешь.

– Это всего лишь копии, – пожал плечами менталист.

– Но, как я понимаю, здесь не всё? Скажи, что ты оставил мне что-нибудь на сладкое.

– Едва ли десерт вам понравится. На днях император вызывал к себе Корбина Рихтера, и сразу после этого тот встречался с Котовским. Думаю, несложно догадаться, о чем они говорили.

Тренк расстроенно покачал головой.

– Значит, повелитель стихий все же поддержит роанца. Ты знаешь Рихтера лучше меня. Неужели нет никаких шансов вынудить его сохранить нейтралитет? Котовский и так получил Строгера.

В любое другое время он поостерегся бы так смело обсуждать дела короны во дворце. Но сейчас, когда император был неизлечимо болен, канцлер фактически стал полновластным хозяином этого места.

– Вынудить? – Уголки губ Мартина дернулись в насмешке. – Рихтер не из тех, кто будет придерживаться нейтральной стороны. И у меня нет рычагов давления на него. Он на удивление равнодушен к деньгам и власти.

– Но ведь что-то должно быть нужно этому сыну мельника. Насколько я знаю, он дружен с твоей женой...

– Едва ли это можно назвать дружбой, – сухо ответил Мартин, пряча лицо за струйками табачного дыма. – Но к чему вы это вспомнили, канцлер?

– Раньше ты никогда не гнушался использовать личные связи, если это необходимо для дела.

– Времена меняются, – сказал менталист. – Мой племянник чуть не умер, а Софи после недавних событий до сих пор мучают кошмары. А вы предлагаете мне вновь втянуть ее во все это. Я не хочу использовать свою жену, чтобы переубедить Рихтера.

Тренк развел руками.

– Я понимаю. Но тогда убедись, что твои жена и племянник не собираются вмешиваться, как это было тогда с роанцем.

Здоровый наследник престола канцлеру был совсем не нужен, а у Котовского, после того как артефакторы поработали над его спиной, больше не случалось ни одного приступа

болезни или потери контроля. И это полностью изменило баланс сил. Не будь Мартин уже тогда влюблен в Софи, счел бы ее угрозой для своих планов. Но теперь она стала его женой и обещала быть всегда на его стороне.

Вот только обещала это Софи, не зная всего, что он от нее скрывает. Если Рихтер вмешается... нет, когда Рихтер вмешается, а противостояние канцлера и Котовского дойдет до крайней точки, без крови не обойдется.

Придется позаботиться о том, чтобы, когда нагрянут события, его жены не оказалось в столице. А пока необходимо сделать все, чтобы Корбин Рихтер сам захотел разорвать этот нелепый договор между ним и Софи.

Мартину я соврала. На самом деле никаких планов у меня не было, поэтому после его ухода я почти до обеда валялась в постели. Как хорошо, оказывается, быть замужней дамой, особенно когда единственное пожелание супруга относительно тебя – чтобы ты оставалась дома! Может, придумать себе какое-нибудь увлечение? Акварельки рисовать, к примеру. Или музицировать... Хотя нет, последнее звучит весьма тоскливо.

Ленился у меня получалось так себе. Я сунула нос на кухню, смутив слуг, перевернула библиотеку Мартина в поисках интересной книги, но так ничего и не нашла по душе. Зато, наткнувшись на спрятанную в глубине одного из стеллажей коробочку с любимым вишневым табаком мужа, вспомнила, что давно не видела свой портсигар. И не то чтобы я желала покурить, но собственность вернуть хотелось.

Зажмурилась и покрутилась вокруг своей оси, как учил меня мастер, и вытянула руку вперед. Конечность повело чуть в сторону, затем вверх. Открыла глаза. Второй этаж, левое крыло дома. Так, что там у нас интересного? Кабинет Мартина. В него мне настоятельно не рекомендовалось заходить. То есть запрещалось. Однако если ты крадешь что-то у жены, будь готов к тому, что она за этим «что-то» придет, преодолев все преграды...

Дверь в кабинет Мартина не была закрыта даже на ключ, не говоря уже об охранных заклинаниях. Как разочаровывающе. Я вошла в просторную комнату, сильно отличающуюся от кабинета моего деда. Лаконичная и строгая меблировка, светлые, без какого-либо рисунка, обои. На полках книги и картонные папки, на столе – письменные принадлежности. Скучный он человек, мой муж.

Сев в жестковатое кресло, покрутила головой. Ну и куда он задевал мой портсигар? Лезть в каждый ящик не хотелось. Наверняка ведь что-то случайно сдвину или потревожу какие-нибудь чары. Вспомнилась история Петера, как он всю ночь простоял парализованным в кабинете дяди, став жертвой собственного любопытства и жестокости Мартина. А затем в памяти всплыло, как мой будущий супруг держал меня в подвале в наручниках, только чтобы проучить. Нет, лучше не рисковать.

Я уже почти ушла, когда меня внезапно дернуло в сторону небольшого журнального столика в углу. Присев рядом с ним, провела рукой по холодной стеклянной столешнице и почувствовала небольшой стык – будто неглубокая царапина на стекле. Потайной зеркальный ящичек, притом спрятанный без всякой магии. Если бы не уроки Рихтера, я бы ни за что не нашла тайник. В нем стояла деревянная лакированная шкатулка, зачарованная от порчи содержимого. Мартин там что, сладости хранит? Я заглянула в ларчик и едва его не выронила.

– О господи!

На бархатной красной обивке лежал мой давно, казалось бы, потерянный безымянный палец левой руки, неплохо сохранившийся благодаря чарам. Это точно требует объяснения. Мысль, что муж, возможно, хочет восстановить мою руку, я сразу же отбросила. Во-первых, время давно и безнадежно упущено – приживить потерянную часть тела можно было в течение суток, а меня тогда еще не нашли. А во-вторых, едва ли Мартин стал бы скрывать свои намерения, особенно зная, как болезненно я отнеслась к травме.

Под шкатулкой обнаружила завернутый в темную тряпицу портсигар. Сигарет в нем не было, зато лежал локон моих волос и обрывок тетрадного листка с аккуратным карандашным

наброском. Мое лицо в профиль, спокойное и мечтательное. Один из рисунков Петера, которыми тот баловался на занятиях, когда ему было скучно. Откуда он у Мартина?

Но это было еще не все. Мартин хранил в тайнике и другие странные вещи. Салфетку с пятнышком крови, записку с моим почерком, в которой я за что-то благодарила господина Шефнера. Вообще не помню, когда я ее писала! И засохший лепесток лилии. Возможно, как напоминание о той ночи, когда мы стали близки. Неужели Мартин настолько романтичен и сентиментален? Правда, в отрезанном пальце или капле моей крови ничего романтического я не находила, если, конечно, у Мартина нет весьма специфических психических проблем.

Хотя все эти предметы, разве что кроме цветка, могли служить материалом для поисковых заклинаний на тот случай, если я потеряюсь или меня вновь похитят. Или для любых других магических манипуляций. И это было совершенно не мило, а чрезвычайно пугающе.

Первым моим порывом было все сжечь, но подобный жест не имел смысла, учитывая, что Мартин всегда мог отрезать прядь моих волос, пока я сплю. И в этот раз спрятать все гораздо тщательнее. И кто знает, не хранит ли он еще один такой ящичек у себя на службе?

Сложила все обратно и закрыла тайник, ощущая растерянность. Мне начинать бояться мужа? Или уже слишком поздно? Наверное, я никогда не смогу понять Мартина Шефнера.

Протерев столешницу рукавом, вышла из кабинета. Внезапно дом супруга показался едва ли не тюрьмой, из которой хотелось вырваться во что бы то ни стало. Часы показывали четыре пополудни, а Мартина и ждать не стоило раньше восьми. Значит, успею съездить в дом деда и вернуться обратно.

Эзра будто чувствовала, что я собралась уходить, уже ожидая меня у входа.

– Куда едем, фрау?

– Домой.

Телохранительница вскинула брови.

– Хочу забрать кое-какие инструменты из своей бывшей мастерской, – пояснила ей неохотно.

Почти сразу после свадьбы Мартин предложил продать дедушкин дом и открыть на мое имя банковский счет. Держать пустующее здание в городской черте было дороговато. Я понимала, что Мартин прав, но продать особняк, который принадлежал семье Вернеров на протяжении пяти поколений, было выше моих сил.

В его предложении мне чувствовалось что-то зловещее. Как и в тех мерах предосторожности, что предпринимал Мартин для моей защиты. Постоянное сопровождение охраны, передвижение лишь на его или моем автомобиле. Теперь я задавалась вопросом: была ли в этом настоящая необходимость или так было проще меня контролировать? Он всегда знал, где я и с кем. А что мне было известно о делах Мартина? Ничего. И это касалось не только его работы. Для меня и мысли его были скрыты. Раньше это казалось само собой разумеющимся. Но сейчас я понимала: жизнь моего мужа принадлежала ему самому, а моя... теперь уж точно не мне.

– Эзра, мой муж всегда был таким параноиком... осторожным, как сейчас? – спросила я своего шофера. – Вы ведь давно знакомы.

– С первых дней его службы. – Орвуд кинула на меня короткий взгляд. Сегодня она была в хорошем расположении духа и оттого разговорчива. – В СБ обычно приходят два типа людей. Идеалисты, которые хотят послужить своей стране, и прагматичные карьеристы, желающие воспользоваться теми преимуществами, что дает служба. Ваш муж из вторых.

Поймите меня правильно, фрау. Я совсем не критикую босса. Я им восхищаюсь. Он отлично понимает, чего хочет и как этого достичь, и поэтому он так хорош на своем месте. Но такая работа рано или поздно меняет человека. Идеалисты разочаровываются и становятся циниками, а прагматики... Даже они порой сталкиваются с таким, от чего нельзя равнодушно отвернуться. И когда подобное произошло с господином Шефнером, он тоже изменился. Узнав, как дорого может обойтись неосторожность или слабость, стал гораздо требовательнее и жестче к себе и ко всем, кто его окружает. За исключением вас, фрау. По отношению к вам он непозволительно мягок.

– Благодарю за вашу искренность, Эзра, – сухо сказала я, – но напомним, что я не одна из подчиненных, а его жена, и едва ли нуждаюсь в том, чтобы мной управляли.

– Иногда бывает сложно разделить личную жизнь и работу, – ответила телохранительница. – Тем более что в случае с вами одно непосредственно влияет на другое.

– Намеряете на то, что я источник проблем?

Фрау Орвуд негромко рассмеялась, кажется, впервые с нашего знакомства.

– Простите, но да. Не знаю, как уж у вас это получается. Вам следовало бы родиться боевым магом, фрау, уж больно характер у вас подходящий. Вы и со своими учениками вроде бы поладили.

– Я могу поладить с кем угодно, потому что я милая и нравлюсь людям.

Эзра сморщила нос, будто собиралась чихнуть, но все же удержалась. Свернула к моему дому и остановила автомобиль. Я надеялась, что телохранительница останется в машине, но она вместе со мной зашла в темную пустую прихожую. Стянув перчатки и шляпку, я оставила их на столике, где аккуратной стопочкой лежала почта, и кивнула Эзре.

– Я ненадолго. Если хотите, можете пока зайти на кухню и сделать себе чай.

– А вы будете?

Покачала головой. Прихватив с собой корреспонденцию, спустилась вниз. Среди писем не было ничего интересного, не считая открытки от Франциска Вагнера, в которой он поздравлял меня с замужеством. Интересно, он искренен или просто издевается над главой СБ? Мартин отследил путь моего крестного до Алерта, но там возможности рейдировки были невелики, поэтому поймать Вагнера так и не удалось. Оставалось надеяться, что мой крестный не захочет сотрудничать с алертиками – уж больно много секретов хранится в его голове.

В мастерской пахло металлической стружкой, машинным маслом и пылью. Если за другими комнатами в доме присматривали, то к мастерской доступа у слуг не было. Я вытащила с одной из нижних полок огромную коробку с глиняными и деревянными болванками артефактов, самоцветами, шестеренками. И мотками пряжи, оставшимися после работы над шарфом. Вот их-то я и искала. Нашлись подходящего цвета нитки, не слишком пестрые – кобальтово-синие и темно-зеленые. Перчатки или свитер? Представить Мартина в свитере было трудно, а в перчатках ему будет сложно колдовать. Пусть будет еще один шарф, но в этот раз совсем с другими свойствами.

Сложив пряжу в заплечную сумку, взяла с собой и мешочек с камнями. Пригодятся студентам для тренировки. Больше ничего важного здесь не было, и, проверив охранные чары, я присоединилась к Эзре на кухне.

Пока телохранительница была в настроении, надеялась выудить у нее как можно больше информации о муже, но не успела, уловив присутствие знакомой магии, притом снаружи дома. И источник ее приближался.

Увидев, как я напряглась, Эзра потянулась к кобуре на бедре.

– Не надо. Кажется, мне известно, кто это.

Только одни чары я могла узнать с такого расстояния – напитанные моей собственной силой.

Князь выглядел, как всегда, великолепно. Светлые волосы были уложены в элегантном беспорядке, бледно-серый костюм выгодно оттенял синие глаза, а чуть лукавая улыбка обезоружила даже Эзру, которой поддаваться мужскому обаянию не полагалось по роду деятельности.

– Пани София, как хорошо, что я застал вас дома!

Котовский склонился к моей руке, едва ощутимо прикоснувшись теплыми губами к ладони. Сразу стало как-то неловко за мозоли и царапины на коже.

– Господин Котовский, – я полушутливо присела в книксене, – вам очень повезло застать меня. Что вы здесь делаете?

– Проезжал мимо и увидел, что около вашего особняка стоит автомобиль. – Легкий роанский акцент приятно ласкал слух. – И вы называли меня паном Анджеем. Неужели я уже потерял ваше расположение?

Сняв тонкое кашемировое пальто, он протянул его Эзре, приняв за служанку.

– Слуг пока нет. Фрау Орвуд моя спутница. – Я забрала пальто из рук роанца, извиняясь, улыбнулась и ему, и своей телохранительнице.

– Ах, вот почему рядом с домом не было охраны. Вы сотрудница СБ, фрау Орвуд? Восхищен храбростью грейдорских женщин. И я ужасно избалован. Мне следовало самому о себе позаботиться. Но вы ведь можете уделить мне время, пани София?

Котовский красноречиво коснулся своего плеча и бросил короткий взгляд сторону Эзры. Видимо, что-то случилось с чарами на его спине, но он не хочет обсуждать это при посторонних.

– Фрау Орвуд, боюсь, вам придется еще немного подождать меня.

Избавившись от Эзры, я закрыла за князем дверь в гостиную и уже гораздо менее формально улыбнулась роанцу. В последний раз мы виделись в катакомбах дворца, а затем он почти на все лето покинул столицу, вернувшись меньше недели назад, официально помолвленный с младшей дочерью герцога Строгера. Хорошая партия для наследника престола.

– Ваша спутница не очень-то хотела вас покидать. Я выгляжу таким опасным? – весело вскинул брови Котовский.

– Скорее, больше не доверяют мне, чем вам, пан Анджей. Подумайте, не стоит ли и вам быть со мной осторожнее. – Шутка вышла невеселой.

Князь неожиданно серьезно на меня посмотрел.

– Когда-то я вручил вам свою жизнь и не пожалел об этом. И что-то мне подсказывает, что вы не из тех, кто предает доверившихся. Разве нет?

– Предательство и интриги не по моей части. Мне интереснее артефакторика... и ваша спина.

– Тогда она в вашем полном распоряжении.

Раздетого по пояс роанца я видела не раз и не два, но сейчас рядом со мной не было Петера, да и у меня появился некоторый опыт... в отношениях. Тем не менее было неловко смотреть, как Котовский стягивает сначала шелковый жилет, затем плотную льняную

рубашку, обнажая торс – широкие плечи, покрытую тонкими светлыми волосками грудь и впалый живот. Это было ужасно неприлично, но я не могла не сравнивать роанца и Мартина. Оба они были худощавы, но если телосложение Котовского изящно, пусть он и не кажется слабым, то мой муж скорее поджарый и жилистый. И отметины на коже у него другие – не от хирургических операций, а от боевых столкновений. Хотя те менталисты, которых я знала до этого, были миролюбивы и избегали конфликтных ситуаций.

Но когда роанец повернулся ко мне спиной, все мысли о муже в один момент вылетели из головы. Серебристые узоры на спине стали ярче, а кожа вокруг причудливых рисунков покраснела и воспалилась.

– Вы знаете, отчего у вас это? – спросила, поспешно снимая с себя все магические предметы. Чары на спине роанца однажды уже испортили мои артефакты, и хотя после этого я замкнула их магический контур, рисковать все же не хотелось.

– У меня есть предположения, но сначала хочу услышать вашу версию.

Почти не дотрагиваясь до горячей кожи, я провела пальцами по всей длине выпирающих позвонков. Нанесенные когда-то мастером Вагнером, а затем исправленные и дополненные мной и Петером чары были кем-то искривлены. Недостаточно, чтобы нанести настоящий вред, но это было, безусловно, покушение. Притом били так, словно знали, куда нужно попасть, чтобы причинить как можно больше ущерба. Будто неизвестный маг, пытавшийся взломать чары, имел доступ к записям роанского мастера... или моим.

Когда министр Гайне пытался убедить меня, что Мартин скопировал мои исследования, я не поверила. Если менталист и сделал это, то необязательно имея жестокие намерения. Мне просто не хотелось думать, что муж мог использовать мои записи для того, чтобы добраться до князя. Они ведь не были врагами.

Возможно, я ошибалась. Во мне медленно закипал гнев.

– Вас атаковали, пан Анджей. С помощью артефакта или заклинаний. Так просто не определишь, – сказала, стараясь не выдать свою злость. – Убивать не собирались, но последствия были бы печальными. От потери возможности ходить до... утраты контроля над собой. Но, к счастью, затронули только верхний слой чар. Восстановить всё можно за час с небольшим. Но вот над дополнительной защитой придется подумать.

Роанец не стал спрашивать меня, каким образом кто-то практически взломал столь сложные чары на его спине, будто зная, что я не смогу ответить. Не захочу. Как бы я ни злилась на Мартина, я все же точно не знала, что именно мой муж стоял за нападением. А если и так... Я обещала быть всегда на его стороне, даже если он не прав. Даже если он делает мне больно, ради своих целей растаптывая то, что для меня важно.

Но это не означает, что я и дальше позволю Мартину пользоваться моим доверием. У него есть от меня тайны? Отлично. Кажется, у меня тоже скоро появятся свои.

– Ваша безопасность теперь вопрос чести для меня, пан Анджей. Кто-то пытался испортить мою работу. И я хочу, чтобы в следующий раз этот кто-то обломал о вас свои зубы.

– Для вас не будет последствий?

– Меня сложно запугать.

– Я могу позаботиться о вас, если будет такая необходимость, – мягко сказал Котовский.

И на что такое он намекает, этот синеглазый принц?

– Надеюсь, вы предлагаете мне работу придворного артефактора, а не сбежать с вами от мужа.

– Кто знает, – хмыкнул Котовский. – В конце концов, уводить чужих жен мне еще не приходилось... Ай!

– Потерпите, будет немного больно.

– Немного? Ощущение, что вы кроите мне спину раскаленным металлом.

Работа заняла чуть больше времени, чем ожидала, тем более что в этот раз я выполняла ее одна, а подходящих инструментов у меня не было. Эзра все-таки не выдержала и заглянула. И так и застыла в дверном проеме, разглядывая живописную композицию: князя, уткнувшегося покрасневшим лицом в ковер и сминающего ворс побелевшими пальцами, и хищно склонившуюся над ним меня.

– Эзра, принесите, пожалуйста, влажное полотенце. И простыню. Боюсь, что запачкаю здесь все кровью...

– Какой кровью? – ошеломленно переспросила женщина.

Котовский вздрогнул под моей рукой. Один из старых шрамов-жгутов на его спине взбугрился и, прежде чем я успела отстраниться, разошелся, обагрив лицо мелкими капельками крови.

– Вот этой, – ответила, утираясь рукавом. – И бинты, будьте так добры.

Эзра молча кивнула и исчезла. Костюм князя, мое платье и ковер в гостиной все же оказались безнадежно испачканными. Фрау Орвуд помогла полуобморочному князю доковылять до крыльца и вручила его охране.

– Обязательно пригласите к себе доктора, иначе раны могут воспалиться, – сказала ему на прощание. – Но умоляю вас, никакой магии. Она вам сейчас противопоказана.

– Хорошо, – слабо улыбнулся роанец. – А что насчет дополнительной защиты, о которой вы говорили, пани София?

– Пришлите ко мне завтра к вечеру своего человека, я передам ему артефакт. Вот этот. – Я продемонстрировала Котовскому кольцо, которое обычно носила на указательном пальце левой руки. – Мне нужно его настроить, чтобы оно правильно резонировало с вашими плетениями.

– А для чего его носили вы? – любопытствовал мужчина.

– Это барьер. Защищал другие мои артефакты от внешнего влияния.

– А я для вас тоже человек-артефакт, да? – усмехнулся Котовский.

– Единственный и неповторимый, – тепло улыбнулась ему в ответ. Я редко очаровываюсь людьми, но к синеглазому роанцу невозможно было остаться равнодушной. Это не было романтическим увлечением, скорее восхищение человеком, никогда не унывающим и не ожесточившимся, несмотря на все удары судьбы. – Берегите себя, пан Анджей.

– И вы, пани...

Проводив взглядом отъезжающий черный лимузин, я повернулась к Эзре.

– Можем ехать? – сухо спросила она и, не дожидаясь моего кивка, направилась к моему автомобилю...

Моему? Нужно было перестать обманывать себя. Ничего из того, что дарил мне Мартин, не было по-настоящему моим.

По дороге домой я напряженно размышляла о том, как теперь вести себя с мужем. Доверять ему как прежде было бы глупо, но ссориться с ним, хлопая дверью, было бы еще глупее.

Омрачала еще одна мысль. Летом я закончила обучение ментальной защите у тетушки

Адель и была уверена, что теперь ни один менталист не сможет подобраться к моему разуму. В конце концов, даже министерские маги не смогли ничего мне сделать. И возможно, пожилой менталистке стоило оставить меня в блаженном неведении. Но она оказалась неожиданно честна. «Мартин, возможно, сильнейший менталист Грейдора, – сказала тетюшка. – Если он захочет, то вскрыет твою защиту за несколько секунд. Едва ли незаметно от тебя, но противопоставить ничего не получится».

А значит, мне оставалось полагаться на честность Мартина. Сомнительное утешение в свете последних событий. И еще этот проклятый резонанс – странная и непонятная мне связь, образующаяся между менталистом и его парой. Лично я сама ничего не ощущала, но тетюшка Адель утверждала, что благодаря резонансу Мартин способен уловить смену моего настроения, не используя заклинания из своего арсенала.

Мне почти удалось вернуться домой раньше мужа – мы столкнулись с ним в прихожей. Приподняв бровь, он оглядел меня с ног до головы, особенно долго разглядывая забрызганный кровью воротник.

– Это не моя кровь, – поспешно сказала я, не удержавшись от оправданий.

– И чья же? Кого моя милая жена пыталась убить?

– Почему пыталась? – удивилась.

– А, так мне нужно быть готовым к тому, что придется покрывать твои убийства? Труп-то хоть хорошо спрятала?

– Меня такому не учили, в отличие от вас, господин Шефнер, – проворчала.

Мартин прищурил глаза, задумчиво склонив голову. Если у него и были вопросы, он решил отложить их на потом. Или задать виновато переминавшейся с ноги на ногу Эзре.

– Ты выглядишь усталой. Я прикажу подать ужин в спальню.

Кивнула, молча пройдя мимо. В ванной комнате застряла почти на час, отмокая и пытаясь привести мысли и чувства в порядок. Получалось плохо.

Впервые с тех пор, как мы поженились, мне после сложного дня не хотелось прижаться к мужу, пожаловаться на свои проблемы и немного покапризничать, требуя заботы. Скорее, предпочла бы остаться одна.

Ужинали мы почти в полной тишине. Я старательно прятала взгляд, пытаясь при этом не теревить ментальный браслет на запястье.

– Выглядишь расстроенной, – наконец заговорил Мартин. – Господин Котовский тебе что-то сказал?

Я вздрогнула.

– Что он мог мне такого сказать? – спросила глухо.

– Расскажешь, зачем он приезжал?

Видимо, мой взгляд был более чем красноречив. Менталист отложил вилку и нож в сторону.

– У нас ведь все хорошо? – вкрадчиво уточнил он. – Ты можешь рассказать, что тебя беспокоит.

– Мартин, даже у артефакторов есть принципы. Господин Котовский – мой клиент, и говорить о его проблемах было бы неэтично. Уж ты-то должен это понимать.

В висках болезненно закололо, и я нервно вцепилась в браслет. Нет, это не ментальное заклинание, как показалось вначале. Наверное, начинается мигрень.

– Я сегодня лягу в своей комнате, – тихо сказала, поднимаясь и оставляя ужин почти нетронутым.

Мартин напрягся.

– В своей?

– В смежной спальне. Надо попросить слуг постелить чистое белье.

Когда супруг резко встал, шаркнув ножками стула по паркету, я шарахнулась в сторону.

– Ты что, меня боишься?

Такие вопросы не стоит задавать зловещим шепотом – производит весьма гнетущее впечатление. Мартин, увидев, как я сжалась, отступил шаг назад. Во взгляде его мелькнула растерянность, но и она мне показалась фальшивой.

– Что такого произошло, что ты так резко изменилась всего за один день?

– Ничего, – пробормотала я.

– Ничего? – эхом повторил маг. – Ты рылась в моем кабинете, договорилась с Анджеем Котовским о встрече втайне от меня, а теперь избегаешь. И уверяешь, что ничего не произошло?

– Мы ни о чем не договаривались, и я просто искала свой портсигар.

– Нашла? – со злой насмешкой спросил Мартин, отлично зная ответ. – И что, никаких вопросов?

– Разве в них есть смысл? Ты всегда найдешь что соврать.

Ну вот я и сказала то, чего не следовало произносить. Голова раскалывалась все сильнее. Решив не ухудшать ситуацию, развернулась, надеясь уйти прежде, чем все станет еще хуже. Не успела.

Муж перехватил меня за руку.

– Не смей сбегать вот так!

– Отпусти. Мне больно.

Пальцы грубо сжались на моем запястье, не оставляя ни малейшей надежды вырваться.

– Иногда мне кажется, что ты меня совсем не любишь, София, – с неожиданной горечью сказал менталист.

– Может, это и так, – согласилась устало. – Возможно, это было мимолетное увлечение, а не любовь. Ты был настойчив, а я – весьма впечатлительна, вот и не устояла. Ну так что? Разве это что-то меняет? Ты хотел получить меня в жены любой ценой и получил. С каких пор тебя начали волновать мои чувства, а не содержимое головы?

Не следовало провоцировать Мартина. Ментальный браслет нагрелся, начав покрываться мелкими трещинками. Контролировал ли сейчас себя муж? Не знаю. До этого мне никогда не удавалось настолько вывести его.

– Сделай это, и все закончится раз и навсегда, – с показным спокойствием пообещала я, пытаясь не запаниковать. – Не будет никакой силы, способной заставить меня остаться рядом с тобой. Разве что в роли бездушной куклы. Ты этого хочешь?

Наши взгляды скрестились. Не знаю, что Мартин увидел в моих глазах, но он тут же торопливо отпустил меня.

– Я не собирался... Проклятье, Софи! Прости. Не думал, что до этого дойдет. И точно не хотел, чтобы все обернулось столь скверно.

Следовало отдать должное супругу. Все же извиняться он умел. Другой вопрос, испытывал ли Мартин сожаление в самом деле или это была очередная его игра.

– Можно я уйду?

Сочтя молчание за согласие, вышла из спальни, но запереть дверь на защелку так и не решилась. Пока еще нет.

У меня осталось мало воспоминаний о родителях, но я отчетливо помнила, что когда отец был дома, они с матерью почти постоянно ссорились. Не думала, что и мне придется пройти через это.

Ментальный браслет с глухим стуком упал на пол, разбившись на мелкие кусочки.

Проснувшись, не сразу поняла, где именно нахожусь. В этой спальне, используемой по большей части для хранения личных вещей, ночевать мне пришлось впервые. В комнате было ожидаемо пусто, но подушка на правой стороне кровати оказалась примятой, а на туалетном столике Мартин оставил лечебную мазь. Прихватив ее с собой в ванную, заглянула в зеркало. На шее все еще были видны следы от поцелуев, а запястья украшали свежие синяки и ожоги. Наглядное доказательство любви и внимания мужа – правда, слегка чрезмерного.

Выполнила несколько упражнений, которым научила меня Адель. Провалов в памяти и путаницы мыслей не было, как и странных навязчивых желаний – верный признак воздействия ментальной магии. Или же просто Мартин был слишком хорош, чтобы я могла поймать его за руку.

Настроение было хуже некуда. Вчерашний день, так приятно начинавшийся утренними поцелуями и флиртом, закончился катастрофой. И было непонятно, как после этого разговаривать с мужем. К счастью, он уже ушел, и я могла не опасаться встретиться с ним в столовой.

Наскоро позавтракав, спустилась в мастерскую и принялась за работу, накладывая на выбранное кольцо блокирующие чужую магию чары. В других обстоятельствах я справилась бы за пару часов, но переделать артефакт для Котовского оказалось непростой задачей – так много тонких нюансов нужно было учитывать, чтобы кольцо не сломалось в самый неподходящий момент... или не сломался князь.

Я почти уже закончила, когда раздался негромкий стук в дверь. За ней стоял Мартин. От него ощутимо пахло алкоголем, хотя взгляд был ясным и привычно цепким.

– Мне сказали, что ты с самого утра не выходила из мастерской. И не обедала.

– Много работы. Ты знаешь, как оно бывает.

– Твоя работа как-то связана с тем роанским слугой, что ожидает тебя у входа и отказывается отвечать, зачем ему понадобилась моя жена?

– Мне нужно ему кое-что отдать.

Я вернулась за кольцом, завернула его в холщовый мешочек и, обогнув наблюдающего за мной мужа, вышла в холл. Человек Анджея, веснушчатый верзила в придворной ливрее, сиротливо жался к стене и затравленно вздрогнул при моем появлении. Или не моем – за спиной у меня безмолвно маячил Шефнер. Не удивлюсь, если он корчил зверские рожи слуге. Поймать его на запугивании роанца не удалось. Когда я резко обернулась, Мартин безмятежно улыбнулся, ничуть не смутившись.

Взяв посыльного за локоть, я вытащила его на свежий воздух и буквально впихнула во влажную ладонь мешочек с кольцом.

– Передашь хозяину, и только ему. Учти: коснешься артефакта или хоть глазком взглянешь, ну или дашь взглянуть кому-нибудь другому, и я не поручусь, что тебя сможет кто-нибудь спасти. С чародейскими проклятиями шутки плохи. Понял?

Верзила поспешно закивал, дрожащей рукой запихивая мешочек за пазуху.

– Да, ффрау.

– Можешь идти... Нет, подожди. Как там господин Котовский?

– Пресветлому князю немного нездоровилось с утра, но сейчас уже лучше, – отчего-то шепотом ответил роанец. – И он шлет вам свою благодарность.

Вот лучше бы денег прислал, честное слово. Но я рано расстроилась. Несколько старомодно поклонившись, слуга протянул мне шкатулку. Я не удержалась и тут же заглянула внутрь. Роанский речной жемчуг! Неровный, мелкий, но стоящий гораздо дороже того, что добывали грейдорские ныряльщики. И все из-за уникального багрового цвета и магических свойств. Роанский жемчуг являлся природным артефактом, впитавшим в себя магические потоки подземных вод и способным даровать владельцу доступ к тайным знаниям.

Мои услуги точно не стоили такой платы, но, будь это хоть трижды взяткой, отказываться от нее я не собиралась. Котовский отлично знал, чем меня можно подкупить. Никогда до этого я не чувствовала себя столь верной монархисткой.

Оторвав алчный взгляд от жемчуга, я уже гораздо дружелюбнее кивнула слуге и отпустила его.

– Что там у тебя?

Мартин ждал меня в холле. Я не удержалась и похвасталась, открыв шкатулку и продемонстрировав мужу алые бусинки.

– Ты же не собираешься его глотать? – тут же спросил менталист.

– Конечно собираюсь. Великие тайны...

– ...ждут тебя на том свете.

– Господин Котовский не стал бы меня травить, – возмутилась я, со стуком захлопывая крышку.

– Господин Котовский просто не знает, какие нелепые байки о роанском жемчуге ходят в Грейдоре. Роанские маги используют жемчуг для усиления своих способностей, но они принимают его понемногу на протяжении нескольких лет. А с тебя бы стало есть его пригоршнями.

– Спасибо, что предупредил, – ядовито ответила я. – Между прочим, всезнаек никто не любит.

Менталист лишь развел руками и миролюбиво предложил:

– Пойдем ужинать, Софи. Я страшно по тебе соскучился.

– У меня завтра занятия у второго курса, а я к ним не готова. Нужно зачаровать учебные болванки. Так что поужинаю в мастерской. Ложись без меня.

Мартин нахмурился, но спорить не стал.

Когда глаза уже заболели от напряжения, а чары начали путаться и рваться, я с неохотой отправилась спать. Но, увидев пробивающийся под дверь свет, зайти в нашу с мужем спальню так и не смогла. Он ждал меня. Возможно, хотел поговорить. Успокоить. Объясниться. Тогда я могла бы выслушать его, обнять, заверить, что все поправимо. Сказать, что соврала. Что все так же люблю его и боюсь потерять.

Но я стояла, прислонившись лбом к прохладному дереву, не решаясь коснуться дверной ручки. А затем открыла другую дверь. Корила себя за трусость, но была не в силах ничего изменить.

Легкие, почти бесшумные шаги. Матрас прогнулся под тяжестью мужского тела, и я ощутила дыхание на своем плече. Прижав меня к себе, Мартин начал ласкать грудь, то грубовато сминая между пальцев, то нежно поглаживая. Ладони у него оказались неожиданно ледяными, обжигая холодом сквозь ночную сорочку, и все же прикосновения мужа заставляли затаить дыхание от удовольствия. Почувствовав мое нетерпение, он опрокинул меня на спину. Ткань заскользила вверх, комкаясь на животе, руки властно

раздвинули колени. Влажный язык коснулся внутренней стороны бедра, и я тихо застонала. Не открывая глаз, дотронулась до волос Мартина, удивляясь их мягкости. И прическа короче, чем мне помнилось.

– Тебе нравится?

Мужской голос знаком, но он не принадлежит Мартину. Вздвогнув от ужаса, распахнула глаза.

Танас Шварц, точнее, его странное подобие. Те же короткие рыжие волосы, подпаленные брови – как при первой нашей встрече. Но кожа безжизненно белая, вместо рта щель, рассекающая лицо, а в воспаленные глазницы вставлены кристаллы. И то, что ниже, едва ли можно назвать мужским телом. Человеческие руки и ноги не могли быть столь отвратительно длинны и странно изогнуты, будто не имевшие костей.

– Твой муж убил меня, но смотри, какую плоть я получил взамен. Быть големом гораздо удобнее, чем слабым смертным, не правда ли? – проникновенно произнес артефактор. – Когда заберу тебя с собой, сразу подарю новое тело, моя драгоценная.

Ледяные пальцы вжимаются в кожу все сильнее, но боли нет, словно я уже не человек, а безжизненная кукла, которую так легко сломать...

Вздвогнула и проснулась. Простыня подо мной мокрая от пота, одеяло сброшено на пол, а мышцы рук и ног задеревенели от судорог. В ушах оглушительно бился сердечный ритм. С трудом села, пытаясь восстановить дыхание, и тут же тошнота подкатила к горлу. Пошатываясь, поднялась. Остаться одной было невыносимо.

Скрипнула дверь, ведущая в спальню супруга, и на пороге возник его силуэт.

– София?

Мартин. Его голос. На почти негнувшихся ногах шагнула к мужу и прижалась к нему, пряча лицо на груди. Теплый. Живой. Настоящий. Он обнял меня в ответ и потянул за собой. Не отпуская, лег рядом на кровать.

Утром я сидела в мужнином халате на смятой постели и, неохотно ковыряясь в овсянке, наблюдала за тем, как Мартин собирается на работу.

– У тебя кофе стынет, – прошептала. – Посиди со мной немного.

Он уселся на край кровати, окинул взглядом поднос и увел с тарелки булочку с вишневым вареньем. Отхлебнув кофе, поморщился от его горечи – напиток наша повариха варила отвратный. Мне бы, конечно, как образцовой жене взять на себя приятную обязанность, только для этого нужно хоть раз проснуться раньше Мартина. Я пододвинула мужу молочник.

Недавняя обида померкла перед страхом и беспомощностью, испытанными мной ночью. А теперь к ним прибавился стыд за свою слабость. Такая взрослая, такая самостоятельная... побежавшая при первом кошмаре к мужу. К счастью, в Мартине не было ни насмешки, ни снисходительности. И вопросов он не задавал, будто не видел в моей ночной истерике ничего особенного. Зато из меня вопросы просто рвались, хотя и я предпочла бы сделать вид, что ничего не было.

– Почему это снова началось? Я думала, что избавилась от дурных снов.

Тогда, после похищения алертийцами, меня долгое время донимали кошмары, в которых фигурировал то мертвый Рено, то Танас Шварц. Теперь, судя по всему, театральная программа моих снов расширилась благодаря големам.

– Разве? – Мартин вздохнул. – Кошмары тебе снятся едва ли не каждую ночь.

– Тогда почему я этого не помню?

– Никаких заклинаний. – Менталист спокойно встретил мой полный подозрений взгляд. – И конечно, никакого чтения мыслей. Но это не значит, что я не способен почувствовать, что моей любимой женщине плохо, и успокоить прежде, чем она проснется в слезах.

– И как же ты меня успокаивал?

– Самым простым и старым методом, которым мужья успокаивают своих жен... Ты что, краснеешь? Обнимал я тебя и по голове гладил, шепча всякие глупости, а не то, что ты подумала.

– Ничего такого я не подумала, – пробормотала, стараясь не глядеть в лицо Мартину. – Это все неправильно. Глупо. Петера несколько дней держали под ментальным контролем, Джис лишился ноги и едва не умер. А я... со мной ведь ничего страшного не произошло. Меня не мучили и не пытали, отделалась легким испугом. И все же...

Мартин молчал, не торопил меня. Опустив ложку, которую нервно сжимала, посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали, отражая внутреннее волнение. Я тихо рассмеялась, не в силах скрыть горечь.

– Эзра недавно рассказала мне о тех людях, что решают связать свою жизнь с СБ. И ты знаешь, размышляя об этом, я как никогда ясно и четко поняла, что совсем не гожусь ни для чего такого. Я домашняя девочка, испугать которую не сложнее, чем пятилетнего ребенка. Кошмары... как это жалко. Деду было бы за меня стыдно.

Маг взял мои ладони в свои.

– Никогда не считал тебя трусихой. Как по мне, ты, напротив, чрезмерно безрассудна. И подумай вот еще о чем. Менталисты военного министерства пытались взломать твой разум, чтобы заставить работать на Гайне. Слава богам, у них ничего не получилось, но это не значит, что вреда не было нанесено. А затем ты переместила свое сознание в голема. Думаешь, что у таких трюков не будет последствий? Ты артефактор, София, и в этом сильна, но, экспериментируя с другими видами магии, всякий раз рискуешь. В случае с ментальной магией – потерять себя. Какой бы умной и храброй ты ни была, у тебя есть свои слабости. И в этом нет ничего постыдного.

– А какая слабость у вас, господин Шефнер?

– Разве это не очевидно? Моя слабость – это одна невыносимо упрямая чародейка с серыми глазами и самой славной улыбкой, которую мне, правда, демонстрируют очень редко. – Мартин поцеловал мою ладонь и отпустил.

Улыбнулась. Точнее, попыталась.

– Не слишком искренне, но старательно, – грустно заметил менталист. – Расскажи мне, что тебе снилось. Может, станет легче?

– Едва ли, но если хочешь... – Пожала плечами. – Мне снился голем, который пришел, чтобы забрать меня с собой. Он выглядел как Шварц. Самое ужасное, что вначале я приняла его за тебя...

– Неужели мы так похожи? – Мартин скривил губы.

– Нет, ни в чем. Но... когда-то я доверяла мастеру. Настолько, чтобы ради встречи с ним покинуть свой дом ночью. Ты помнишь, чем это закончилось. Тогда я впервые узнала горечь предательства.

– Значит, ты снова чувствуешь себя преданной?

Кивнула, не поднимая взгляд.

– Тогда не молчи о том, что тебя волнует. Разговаривай со мной. Я не смогу ответить на каждый вопрос или рассказать обо всем, но обещаю быть честным.

– Правда или молчание? – хмыкнула. – Меня устраивает.

Отставила в сторону поднос с давно остывшим и почти не тронутым завтраком и опустила босые ноги на холодный пол. Все так же сидя к Мартину спиной, произнесла:

– Котовский приходил ко мне, потому что кто-то повредил его чары. Князя не пытались убить, просто хотели нанести ему вред. Ты знаешь что-нибудь про это?

Молчание было таким долгим, что я уже решила – так и не узнаю ответа. Но все же дождалась его, хотя услышала не то, что хотела.

– Если бы Анджей Котовский обратился ко мне, я был бы вынужден расследовать это происшествие. Но он этого не сделал.

– А сам ты в нахождении виновника не заинтересован? – В моем голосе появились сердитые нотки. Злиться на мужа бесполезно, да больше и не хотелось. Совсем тихо добавила: – Нападение на наследника престола – это государственная измена.

Семья моего отца, Гревеницы, всегда были лояльными монархистами, и в самые черные времена оставаясь на стороне короны. И хоть я была далека и от отцовской семьи, и от политики, но при мысли, что в решении императора Крейна кто-то мог сомневаться и косвенно противодействовать ему, мне становилось не по себе.

– Я глава службы безопасности Грейдора. Моя задача защищать в первую очередь интересы страны. Если Анджей Котовский столь уязвим и при этом самоуверен... что ж, полагаю, стоит задуматься, нужен ли такой монарх Грейдору.

Император был болен и уже не вставал с постели, канцлер, очевидно, заинтересован, чтобы Котовский не мешался у него под ногами... Глава СБ, если и не замешан в покушении на роанца, точно не был на его стороне. И на многое закрывал глаза. Нравилось ли мне это? Конечно нет. Меня возмущала до глубины души позиция Мартина, однако это был выбор моего мужа, и я не могла заставить его изменить взгляды. Но волновало меня не только это.

– Мои записи о чарах Котовского... Я была глупа и не позаботилась об их безопасности. И мне страшно думать, что князь пострадал из-за них, из-за того, что они попали не в те руки.

– Разве ты единственный артефактор, кто работал с Котовским?

– Нет, еще Петер. Но он... О-о-о.

Что ж, пусть поздно, но я поняла, как мои записи тогда оказались у военных. Петер был под внушением, и Гайне наверняка выжал из этой ситуации все возможное.

Я взволнованно повернулась к мужу:

– Но министр мертв!

– После его кончины министерство хорошо перетряхнули, но часть информации все же утекла, а некоторые из замешанных в дела Гайне сбежали. В том числе и Рейнеке.

При всей моей нелюбви к военному артефактору в его способностях я нисколько не сомневалась. Он был умен, чтобы, получив наши с Петером записи, легко разобраться в них. И достаточно нечист на руку, чтобы продать информацию подороже ради своего спасения. Кому угодно, начиная от канцлера и заканчивая теми же «белыми ястребами». Будто огромный груз упал с моих плеч.

– Я не стал бы тебя использовать, София. – Мартин сложил руки на груди, глядя на меня с осуждением. – И мне неприятно, что ты могла меня в этом подозревать.

– Прости, прости! Ты, конечно, бесчестный злодей и манипулятор, но как муж еще

очень даже ничего.

– Как же высоко ты меня ценишь, дорогая!

Я переползла через кровать и, обняв Мартина со спины, положила подбородок ему на плечо.

– Все, больше о работе не спрашиваю, а то тебе потом придет в голову стереть мне память или посадить под замок.

– Всегда сложно удержаться от этого...

– Осталось выяснить самую малость. Зачем ты хранишь мой палец?

Мартин вздрогнул и инстинктивно попытался вырваться, но я вцепилась в него не хуже обезьянки.

– Давай-давай, не стесняйся. Мы же решили развеять все недопонимания между нами, так что самое время признаться в своих извращениях. Я давно подозревала, что с твоими вкусами что-то не так, но все же твоя коллекция смогла меня удивить.

– Это не то, что ты думаешь, Софи. Кое-что из того, что ты нашла, у меня действительно рука не поднялась выбросить. И мне нравится хранить то, что связано с приятными воспоминаниями о тебе.

– К примеру, палец, – хмыкнула я.

– Палец – другое дело, – глухо ответил Мартин. – Он служит напоминанием о том, как дорого может обойтись неосторожность.

Я уткнулась носом в шею Мартина, вдыхая запах его кожи. Это успокаивало.

– Ты коришь себя за произошедшее?

– Да. Я прозевал нападение, и в итоге пострадали самые дорогие для меня люди. Следовало самому приехать за тобой. И быть внимательнее к Петеру. Тогда бы ничего не произошло.

– Не ты ли твердишь мне постоянно, что я не должна слишком много от себя требовать? Разве это не так же верно и для тебя? Всякое случается. Невозможно знать все и быть ко всему готовым. – Я поцеловала Мартина и отпустила. – К тому же мы неплохо навалили этим военным магам, которые на нас напали. Неплохо для двух артефакторов и одного боевика, а?

– Ты прямо как Джис. Он потерял ногу, тебя тоже ранили. Но вместо того чтобы вынести из этого что-то полезное, вы только хвалитесь, – вздохнул Мартин. – Мне пора. Проведи хотя бы один день без неприятностей, Софи.

– Ничего не могу обещать.

Еще раз поцеловав меня на прощание, Мартин пообещал устроить сюрприз на выходные и ушел. Когда за ним закрылась дверь, до меня дошло, что меня саму время уже поджигает. Собираться пришлось в рекордные сроки.

И все-таки умудрилась опоздать на семинар. Второкурсники были уже у дверей, когда я лихо влетела в аудиторию, втаскивая Ирму за руку обратно.

– Все садимся, берем себе по камешку и начинаем.

– Что начинаем? Какие камешки? – робко раздалась студенческие голоса.

Из сумки на стол вытряхнула самоцветы и ослепительно улыбнулась.

– Будем учиться видеть чары. Это проще простого, не сомневайтесь.

Из кабинета мои подопечные выходили, держась за головы.

– Мои глаза, мои глаза, они сейчас вытекут... – пробормотал веснушчатый, часто моргая.

Я помогла ему не вписаться в стену и бережно направила в сторону выхода.

– Чары не увидеть, просто напрягая зрение.

– Я боевой маг, как я вообще могу увидеть всю эту мелочь? – пожаловался студент.

– По косвенным признакам, конечно же. Чары взаимодействуют с окружающей средой, и по тем возмущениям, что возникают вокруг них, можно понять, какие именно свойства у того или иного предмета. Третью группы, между прочим, это поняла.

– Ну да, к концу занятия, – мрачно заметил Бертольд Келлер. – Было бы неплохо, если бы вы нам хоть что-то объяснили, прежде чем давать задание.

Это был мой промах, но признаваться в этом не хотелось.

– Теория лучше постигается на практике, студент Келлер.

Проводив взглядом второкурсников, я хмыкнула и вернулась в аудиторию. Настроение было чудесным. Этак, глядишь, к концу года из моих студентов и получится что-то толковое.

Торопясь сбежать, второкурсники все оставили на столах. Я как раз собирала брошенные ими камни – немного замутненные, а кое-где и потрескавшиеся, когда почувствовала опасность.

Замерла, а затем поспешно повернулась к двери, лихорадочно проверяя свои артефакты. Долго ждать не пришлось. В дверном проеме возник один из старшекурсников, тот самый крепыш, у которого жена беременная. Как же его? Вспомнила. Ганс Яргер. Не нужно было быть менталистом, чтобы понять, что настроен он был более чем недоброжелательно.

– Фрау, я как раз вас искал. Вы не часто появляетесь в университете.

– Вы о чем-то хотите поговорить, студент Яргер? – спросила несколько формально, хотя внутри все сжималось от напряжения.

– Да, о своей жене. Ее отстранили от занятий и вынудили взять академический. Это вы постарались, фрау?

– Я просто объяснила декану, что вашей жене вредно появляться на моих занятиях. Чары, впрочем, как и заклинания, могут негативно сказаться на здоровье – и ее, и вашего ребенка. Вам бы следовало самому позаботиться об этом, Яргер.

Боевик пересек аудиторию, грубо отшвырнул стул, стоявший между нами, и навис надо мной.

– А теперь послушайте меня. Не смейте давать советы или совать свой нос в мой брак. Вы, чародеи, больно много о себе мните. Что вы можете знать о...

Студент говорил так громко, что хотелось заткнуть уши. Пришлось самой повысить голос.

– Отойдите от меня. Сейчас же.

Он замолчал. Губы искривились в злой усмешке.

– А то что – и на меня пожалуетесь?

– В любом случае угрожать себе я вам не позволю. Отойдите.

Яргер грубо схватил меня за плечо.

– Не раньше, чем вы извинитесь! А после этого пойдете к декану и скажете, что ошиблись. И если моя жена не сможет после этого вернуться, вам придется пожалеть.

– Студент Яргер, вы понимаете, где вы и с кем разговариваете? – спокойно спросила, с трудом заставляя себя не активировать артефакты. Провоцировать невменяемого боевика, от которого к тому же пахло алкоголем, было бы неумно. – Вы не вправе ничего от меня требовать. Сейчас же уйдите.

Парень встряхнул меня, заставив клацнуть зубами.

– Как же я ненавижу всех вас, надменных, высокомерных чародеев. Думаешь, что лучше меня?! Я докажу, что...

Резко выпрямила правую руку, толкнув Яргера в грудь и усилив свой жест чарами. Его отшвырнуло назад. Упав на пол, он тут же вскочил, не давая мне пройти мимо себя. Оскалился. Почувствовав, что он призвал магию, я поставила щит.

– Ганс! Спятил?!

Яргера буквально смело к стене, а вместе с ним и несколько стульев. Парты с грохотом повалились на пол. Меня при этом не тронуло. Я поспешно отскочила, активировав сразу все защитные артефакты. И только потом узнала в светловолосом мужчине Тео Адорно. Тот уже подскочил к пытающемуся подняться сокурснику и, поставив колено ему на спину, что-то яростно шептал. Затем, придерживая его за шею, вывел из аудитории. Ганс, как ни странно, не сопротивлялся.

Адорно вернулся минут через пять, когда я, немного успокоившись, начала расставлять мебель по своим местам. Он поднял несколько парт, аккуратно поставил в угол сломанный стул и подошел ко мне.

– Вы в порядке, фрау Шефнер?

– В полном.

– Мне жаль, что так получилось. У Ганса будут неприятности?

– А вы как думаете?

Мне показалось, что староста старшекурсников будет уговаривать меня простить Яргера, но он лишь покачал головой.

– Что ж, этого следовало ожидать. У нас многие на взводе из-за перевода в столицу, но Гансу из-за Анны сложнее всего.

– У вас какие-то проблемы?

– Большинство живут в университетском общежитии, Анна и Ганс в том числе. И наших постоянно цепляют. Боевиков не очень-то любят, особенно в свете последних событий. Если Ганса отчислят, потом ему будет сложно найти работу. А ему нужно еще и о жене с ребенком позаботиться.

– Никто не будет отчислять его на последнем курсе, хотя, может, и стоило, – ответила сердито. – И если ваши одноклассники постоянно кидаются на людей, то я не удивляюсь, что их не любят.

– Можете наказать Ганса или винить меня, ведь это моя группа приносит всем неприятности, но только не относитесь к нам как к отребью магического общества, – неожиданно серьезно сказал Адорно.

– Бросьте, Тео. Среди моих друзей есть боевые маги, поэтому я отношусь к вам без всякого предубеждения, – сообщила, направляясь к двери.

– Тео? Вы назвали меня Тео, фрау Шефнер? – весело воскликнул студент, следуя за мной. – Значит ли это, что я снискал вашу благосклонность?

– Вы же мне помогли, так почему бы и нет?

Адорно проводил меня до деканата и, раскланявшись, ушел «устраивать головомойку Гансу», как он выразился. Я заглянула в приемную к декану.

– Он здесь? – отчего-то шепотом спросила у секретаря. Тот покачал головой. Что ж, может, и к лучшему. А то я слишком взбудоражена, еще лишнего наговорю. – Жаль. Тогда я могу воспользоваться его телефоном?

На самом деле никакой спешности не было, но стычка с Яргером напомнила, насколько

я на самом деле уязвима. И что кое-кто все еще ждет моего ответа.

Прикрыв дверь в кабинете декана, подняла трубку.

– Я вас слушаю, – прошептала телефонистка.

– Соедините меня с главой магического отдела полицейского департамента Корбином Рихтером, пожалуйста.

– Минутку.

Ждать мне пришлось все пять, прежде чем Рихтер вышел на связь.

– Да?

– Это Софи. Мастер, я готова приступить к изучению заклинаний.

– Хы-хы... то есть очень хорошо. Я и не сомневался.

– Правда, у меня, точнее у Мартина, одно условие. Тренироваться мы будем на полигонах СБ.

– Вот же засранец! – восхитился Рихтер.

– Мастер!

– Тогда давай в эту пятницу, после твоих занятий в университете. И оденься... ну не как обычно. Поудобнее, что ли. Никаких юбок, поняла?

Кажется, Рихтер планировал от души повеселиться за мой счет.

У меня не такая уж яркая и запоминающаяся внешность, поэтому я привыкла почти всегда оставаться незаметной. По крайней мере до того, как открою рот или начну чаровать. Но сегодня меня провожал взглядом каждый мужчина, мимо которого я проходила, заставляя ускорить шаг и наклонить голову, пряча румянец. Вокруг столько подчиненных моего мужа, а я в брюках, пусть и довольно свободных. И толстой кожаной куртке Мартина: Рихтер поздно предупредил, что мы будем заниматься на открытой площадке, вот и пришлось просить у супруга что-нибудь на замену моему элегантному пальто.

Мне следовало думать не о своем отвратительном виде, а о том, куда и как иду. Завернув за угол, умудрилась с размаху столкнуться с шагнувшим мне навстречу мужчиной.

– Простите, фрейлейн... Вернер?

Я подняла голову, чтобы встретиться с изумленным и несколько заинтересованным взглядом светловолосого мужчины.

– Не узнаете? – вскинул он брови и скрестил на груди руки. – Я Карл.

Ах, точно, Карл Крайз! Тот самый незадачливый менталист, с которым мы испытывали мой первый ментальный артефакт. Ему мой эксперимент вышел боком – в итоге мага отправили в длительную командировку в дикую глушь. Стоит сказать, что жизнь вдали от столицы пошла ему на пользу. Он окреп, избавился от кислой мины и рыбьего взгляда и в целом стал выглядеть гораздо симпатичнее.

– Господин Крайз, рада вас видеть! И давно вы в Брейге?

– Я провел в Керне около года, – мрачно ответил маг. – А потом еще год отмывался от угольной пыли в Торнеме, который чуть южнее. Там дожди. Постоянно. Так что Торнем я теперь тоже ненавижу. В столице я всего ничего и безумно этому рад. А вы, фрейлейн, значит, все-таки устроились работать в СБ?

– Не то чтобы я работаю в СБ... – замялась, – у меня здесь будут проходить тренировки. – Поправила сползавшие рукава куртки и робко улыбнулась: – Вы простите меня, что я вас тогда в это втянула. Не думала, что так получится.

– Ничего страшного, – уже более миролюбиво ответил менталист. – Не хотите куда-

нибудь сходить в свободный вечер? Я еще тогда хотел вас пригласить, но ходили слухи, что вы встречаетесь с бароном фон Шефнером. А теперь он вроде бы собирается жениться на дочери мэра Торнема.

– Я тоже замужем, так что едва ли это возможно, – тактично намекнула я, скромно потупив взгляд.

Молодой маг язвительно уточнил:

– И кто же этот счастливый мужчина, который не боится отпускать свою жену в таком виде, да еще и в столь опасное место?

– Очевидно, владелец этого места.

Мартин появился словно из ниоткуда, возникнув за спиной Карла.

– Крайз, вам нечем заняться, кроме как флиртовать с моей женой? Или вы соскучились по северным пейзажам? – вкрадчиво спросил он.

– Босс! Я не... – Менталист ощутимо побледнел. – Как вы умудряетесь это делать?!

– Оттачивайте свои способности, Крайз, а не шатайтесь по коридорам, и, может быть, тоже на что-нибудь будете годны. Свободны.

Заметив довольный блеск в глазах мужа, я ткнула его локтем в бок.

– Ты ужасен. Зачем так измываться над своими подчиненными? И что ты тут делаешь?

– Провожая тебя до полигона. И отмечаю всех, кто плотоядно на тебя посмотрел. – Мартин поправил мою крутку и застегнул верхние пуговицы. Удовлетворенно кивнул. – Да и с Корбином не мешало бы поговорить. О технике безопасности.

Рихтер уже ждал меня на небольшой покрытой песком площадке, нетерпеливо вышагивая по ней. При виде хищно направляющегося к нему Мартина он застыл, а затем раскинул руки, рассчитывая на дружеские объятия. Мой муж красноречиво спрятал ладони в карманы и прохладно кивнул алхимику. Я скромненько уселась на скамеечку, не собираясь участвовать в этом цирке, и издалека помахала наставнику.

Разговаривали маги недолго, но довольно напряженно. Рихтер то и дело нервно дергал головой, поглядывая то на меня, то на менталиста, а Мартин, напротив, точно в статую с пустым лицом превратился. Верный признак того, что был он чем-то изрядно увлечен, чтобы следить за мимикой.

– Он будто выпил у меня все счастье и радость, – пожаловался мне Рихтер, когда менталист ушел. – Как ты вообще выносишь Мартина? Не понимаю.

– Вы же вроде с ним дружили раньше, – заметила я.

– Да-а, дружили. Примерно как кобра дружит с мангустом, – проворчал маг. – И во что это ты вырядилась?

Я покрутилась, демонстрируя, как разлетается ткань вокруг моих ног.

– Это юбка-брюки. Прилично и удобно.

– А что, мне нравится. Тоже, что ль, такие себе приобрести?

– Мастер, вас же засмеют.

Рихтер искренне удивился.

– Да кто посмеет-то? Я же повелитель стихий. К тому же вещь и в самом деле практичная. В этих огромных штанинах не только симпатичные женские ножки можно прятать, но и гранаты, ножи... и прочее, – неожиданно скомканно закончил он. И тут же пояснил свою заминку: – Шефнер слезно умолял не наводить тебя на дурные мысли и не шутить неприлично. Так что будем невинно и мирно плести веночки... ну почти. Как ты отнесешься к небольшой разминочке? Кругов так двадцать-тридцать вокруг поля? Не очень?

Ну тогда сразу приступим к настоящему волшебству.

Если честно, я не верила в то, что алхимик сможет меня хоть чему-нибудь научить. Где это видано, чтобы артефактор заклинания использовал? Силенки не те. Но Рихтер так убедительно рассуждал о моем возросшем магическом резерве, что я повелась. За что вскоре и поплатилась.

Пока Корбин объяснял, что к чему, все было прекрасно. О том, что существуют универсальные заклинания, доступные сильным магам независимо от их специализации, я уже знала от Мартина. Одним из заклинаний этого порядка он воспользовался, когда Шварц и алертиец решили украсть меня.

Владение такими заклинаниями требовало приличного резерва и запредельной точности и тонкости исполнения. К тому же большинство заклинаний было утеряно и забыто, а те, которые сохранились... скажем так, в классическом университетском образовании им по какой-то причине места не нашлось.

Корбина Рихтера учил его мастер, а того – свой, и так множество поколений, поэтому я становилась наследницей весьма древней, практически сакральной традиции.

– А мой муж знает те заклинания, которым ты собираешься меня учить? – полюбопытствовала я, разминая кисти.

– Знает, – коротко ответил алхимик, – даром что у него не было мастера, в отличие от меня. Он собирал информацию по круплицам то там, то тут.

– А если бы вы столкнулись в бою, кто бы победил?

Этот вопрос заставил его задуматься.

– С менталистами сложно сражаться, – наконец сказал Рихтер, – и почти невозможно победить. Но у их противников есть одно преимущество. Эффективность ментальных заклинаний зависит от умения мага оставаться хладнокровным. А я, как ты знаешь, неплохо умею раздражать людей. Так что в той единственной стычке, что у нас когда-то случилась, практически победил я.

– Практически?

– Ну да. Просто потом пришли другие маги и скрутили меня, – грустно вздохнул Рихтер. – Так что узнать, кто из нас раньше угробил бы, так и не удалось.

Больше отвлекаться мне алхимик не дал, заставив полностью сосредоточиться на запоминании последовательности действий. Вся магическая практика строилась на нескольких приемах – жеста, слова, воли и знака. Волей, то есть чистым, не выраженным вербально желанием, владели лучше всего менталисты, тогда как алхимики и артефакторы использовали чаще знаки. Целители и боевики обычно комбинировали слово и жесты. С них-то, с заклинаний, основанных на жестах, Рихтер и решил начать. Пальцы у меня были гибкие, проблем с памятью не было, так что я легко повторяла и запоминала связки движений. Проблемы начались, когда нужно было подключать саму магию. Я пыталась создать простую магическую сферу – похожую на ту, что используют боевики, но не уничтожающую все на своем пути, а освещающую пространство. Плетения, видимые только глазу мага, выходили очень красивые и изящные. Шарик искрился и пылал, но не на физическом уровне – со стороны казалось, что я нелепо размахиваю руками.

– Мало вкачиваешь силы. Нужно больше.

– Я не могу! Это мой предел.

По лбу струился пот. Встряхнула напряженные кисти и сняла куртку. На площадке было прохладно, но не ветрено – видимо, Рихтер заранее постарался сделать условия

комфортными.

– Чувствуешь энергию, текущую в теле? – спросил алхимик, задумчиво грызя пожухлый стебель травы.

– Чувствую. А толку-то? – кисло ответила я.

– Тогда попробуем так. Забудь обо всех заклинаниях, что я тебе показывал. Направь энергию в ладони, но не пытайся ее во что-то воплотить. Пусть магия копится на кончиках пальцев.

Я послушно направила силу в руки. Пальцы начало покалывать, а спустя какое-то время и вовсе гореть, будто я погрузила их в раскаленный песок.

– Не отпускай, терпи, сколько можешь. Голова не кружится?

Закусив губу, покачала ею отрицательно. И в самом деле, хотя я продолжала черпать из своего магического источника, истощение не наступало. Магия бурлила в моей крови, опьяняя, как вино. Мир вокруг стал необыкновенно четким и ясным, а звуки – болезненно громкими. Даже собственное дыхание оглушало.

– Все, больше не могу, – проскрипела охрипшим голосом.

– Тогда просто позволь магии проявиться.

Проявиться? Всех обладающих даром с ранних лет учат, что нельзя выпускать сырую, неоформленную силу. Что отсутствие контроля опасно как для самого мага, так и для окружающих. Так что я испуганно посмотрела на Рихтера.

– Давай, Софи! Не трать мое время! – неожиданно гаркнул алхимик.

Я вздрогнула и на мгновение потеряла контроль. Сила вырвалась на волю, закручиваясь в вихри вокруг моих рук, которые всё нарастали и нарастали. Пространство пошло мелкой рябью, искажая очертания предметов вокруг и будто сгущая воздух.

– Мастер!

– Не паникуй! – жизнерадостно заорал алхимик. – Вспоминай заклинание!

– Так ведь поздно!

Рихтер протянул руку и коснулся одного из вихрей. Тот будто маленький змееныш обвил его запястье, скручиваясь в спираль. Не имею ни малейшего представления, как алхимик смог управиться с чужой магией, но это несколько привело меня в чувство. Мои движения вначале были неуверенными и медленными, но, почти явственно осязая, что магия отзывается и заклинание принимает форму, я обрела уверенность. Вихри сплетались в сферу, пылающую так ярко, что на нее было невозможно смотреть.

Мое первое настоящее заклинание! Простое, не самое сильное, но прекрасное. Я подняла руки, и, повинаясь моей воле, шар медленно вознесся над нашими головами, сверкая ярче тусклого солнечного диска на сером небе.

– Заканчивай, переутомишься, – приказал Рихтер, довольно улыбаясь. – Знаешь, как свернуть заклинание?

– Конечно. Вы же...

Левую руку прошило болью, потом свело судорогой. Сфера дрогнула и медленно растаяла, но мне было уже не до нее. Корчась, я рухнула на колени. Улыбка тут же сползла с лица алхимика. Не задавая глупых вопросов, он опустился рядом, положив свою широкую ладонь поверх скрюченной моей. Не сразу, постепенно, но становилось легче. Левую кисть я уже не чувствовала, но это было и к лучшему.

– Кажется, таким калекам, как я, стоит забыть о заклинаниях. И о сложных чарах, полагаю, тоже.

Протез из псевдоплоти, поставленный взамен безымянного пальца, отрезанного не в меру ретивым боевиком, был сделан искусно и свиду не отличался от настоящего. Но это была не та травма, о которой можно забыть. Я вспоминала о своей неполноценности всякий раз, когда чаровала. Теперь тяжелее давалось создание сложных плетений, да и некоторые артефакты уже не могла использовать так, как раньше. И сейчас... на мгновение забылась, и реальность жестоко о себе напомнила.

Рихтер молча поднялся и ушел, оставив меня глотать слезы от обиды и разочарования. Впрочем, вернулся он почти сразу же. Кинул на землю покрытый непромокаемой тканью мат и не спрашивая подхватил меня за подмышки и перетащил на него.

– Ложись, калека, – сказал маг, похлопав меня по плечу.

– Что?

От удивления даже слезы перестали литься.

– Ложись, говорю, на спину. С любого края. Покажу кое-что.

Послушно улеглась на мат и тут же поморщилась. Холодный, влажный, это и через плотную рубашку чувствовалось. Так и простыть недолго.

– Один момент!

Рихтер вернулся со своей кожаной курткой, подстелил мне под спину, еще и сверху укрыл моей курткой. И сам лег рядом.

– Что вы делаете, мастер? – отчего-то шепотом спросила его.

Теплые пальцы коснулись моей руки и плотно ее сжали.

– Смотри вверх, а не на меня.

Солнце уже клонилось к горизонту, и небо постепенно темнело. Воздух был по-вечернему прозрачен и холоден. Но лежать рядом с Корбином Рихтером оказалось неожиданно уютно. Тревога постепенно стихала, сменяясь безмятежностью.

– И правда успокаивает. Спасибо, что вы... Э-э-э?!

– О, так ты их увидела наконец! Или только вон того крупного, похожего на косатку?

Под облаками неторопливо проплывало огромное существо, отдаленно напоминающее полупрозрачного кита. А под ним, сбившись в стайки, сновали сущности поменьше. Несколько из них летели совсем низко, и я могла заметить, что все они немного отличались друг от друга. Одни, самые медленные, были похожи на вязкие плотные тени, другие выглядели словно медузы, а третьи и вовсе можно было спутать с комками пуха,двигающимися по рваной, хаотичной траектории.

– Это... то, что я думаю?

– Ну, если ты думаешь, что спятила, то ты не права. Это элементали. Я вижу их постоянно.

Рихтер вытянул верх свободную руку, и тут же несколько созданий ринулись к нему, толкаясь. Эти, отозвавшиеся на призыв Рихтера, были чем-то похожи на стрекоз с полупрозрачными красноватыми крылышками. Огненные?

Когда элементали сбились в кучку, Рихтер сжал ладонь в кулак, и над его рукой взвилось пламя. Впрочем, оно тут же погасло, и маг, извиняясь, сказал:

– Им тут нечем питаться. И воздух сырой. Было бы легче вызвать дождь. Хочешь?

– Нет, спасибо! – поспешила ответить. – Мастер, а почему я их вижу?

– Потому что ты моя ученица, – буднично ответил маг. – Управлять элементалими ты, конечно, вряд ли научишься, но видеть их сможешь и без моей помощи.

Он помахал рукой, и «стрекозы» рассыпались в стороны, полетев по своим делам.

– Здорово! – восхищенно сказала я. – Какой у вас прекрасный дар!

– Да, в такие моменты я об этом вспоминаю, – глухо ответил Рихтер. – Но чаще он приносит мне неприятности.

– Элементали могут причинить вред? – я скосила на него глаза, но тут меня отвлек один из пушистиков, пролетевший прямо над лицом. Попыталась его поймать, но рука проходила сквозь элементалю.

– Могут при определенных условиях, но люди всегда страшнее. Дар повелителя стихий не только приносит одиночество, но и лишает свободы. Мне строго не рекомендуется покидать столицу, а уехать из страны и вовсе невозможно.

Отчего-то настроение алхимика стало совсем мрачным. Но жалости он не терпел, поэтому я молчала, в ответ сжимая его ладонь в безмолвной поддержке.

– Когда ты появилась у меня в офисе, Софи... Ведь я мог позволить тебе умереть, не заключив с тобой магический договор. У меня возникли такие мысли. Сейчас я о них жалею, но тогда я был полон подозрений и ярости. Мне казалось, что тебя подослал Шефнер, чтобы найти еще один способ следить за мной.

Мой муж – один из тех, кто был обязан контролировать повелителя стихий – живое и мощнейшее оружие Грейдора. Корбин Рихтер способен вызвать град, ураганы, потопа или землетрясения у врагов, но не менее опасен он и для грейдорцев. Но он хороший человек. И мне сложно было винить его, ведь совсем недавно я тоже сходила с ума от недоверия к Мартину. Так почему Рихтер должен был сразу довериться той, что не спросясь ворвалась в его жизнь?

– Но то, как все вышло потом... я не жалею ни о чем. И рад, что у меня появилась такая ученица.

Мастер оказался неожиданно сентиментален, и было необыкновенно трогательно слышать от подобного человека, обычно насмешливого и язвительного, такие слова.

– Я не хочу, чтобы вы были одиноки, мастер, или чувствовали себя несвободным. Обещаю, что не стану оковами или обузой, но не уйду, пока вы не прогоните. Независимо от того, будет ли нас связывать договор.

– Сейчас не время для обещаний, Софи. Но спасибо. Я услышал.

В вечернем небе плыли странные, но безумно красивые существа, делая все, в том числе и наш разговор, несколько нереальным. И я сама не заметила, как заснула прямо посреди тренировочного поля, прижимаясь к плечу мастера.

Когда Софи тихо засопела, Рихтер даже обиделся немного. Он ей душу выкладывает, чудесами с нею делится, а она дрыхнет! Уже настроившись разбудить девушку, алхимик вспомнил, как сам сильно уставал сначала, когда учился расширять свой магический резерв за счет связи с элементалими. Это непросто – переступать через свои границы. Тем более с таким неопытным и нетерпеливым учителем, как он.

Осторожно, стараясь не потревожить девушку, он освободил руку и тихо сел. И что теперь? Будить или пожалеть и самому дотащить Софи до машины? Почему-то последняя мысль показалась необыкновенно соблазнительной. Это Софи когда бодрствует – маленькая злобная колючка, а пока спит – идеальный объект для обнимашек. Мягкий, теплый, приятно пахнущий... Чужой.

И ведь нельзя сказать, что ему не хватает женского внимания. Почему же руки так и тянутся к чужой жене, пусть милой, симпатичной, но едва ли в его вкусе? Это уже не просто

желание достать Шефнера. И не покровительственная снисходительная забота, которая была изначально. Это вожеление мужчины к привлекательной для него женщине. Желание обладать ее душой и телом, быть единственным, на кого она смотрит с восхищением...

Похоть. Вот что это такое. Неуместная, грязная. Оскорбляющая ту, которая ему доверилась. Софи никогда не давала ему повода думать, что относится к нему иначе, чем к наставнику. И он с первой их встречи решил для себя, что будет четко держать границу между ними...

Светловолосая девушка стояла на коленях, протягивая ему руку. По бледной тонкой ладони струилась кровь, и чародейка морищилась от боли, закусив нижнюю губу. В серых глазах горело упрямство, смешанное с тихим отчаянием.

– Моя жизнь станет вашей до тех пор, пока будет длиться ученичество, – сказала девушка хрипловатым от волнения голосом.

Алхимик замер, очарованный представшей перед его глазами картиной. И вместо того чтобы выкинуть наглую девицу, подосланную главой СБ, за дверь, позволил втянуть себя в эту авантюру.

Корбин сердито помотал головой: вот и память его подводит. Когда Софи вынудила его принять договор, он злился и был удивлен. А еще заинтригован храбростью молодой чародейки. И ничего больше. Все остальное он себе сейчас напридумывал.

Чужой взгляд ожег спину. И Рихтер знал чей.

Мартин сидел на одной из скамеек за защитным барьером. Рядом с ним стоял термос, от которого вилась тонкая струйка пара. Решил отогреть уставшую и замерзшую жену? Было непривычно видеть Шефнера таким внимательным и заботливым, к тому же в ущерб работе. Кто бы мог подумать, что женитьба так его изменит!

Бесшумно поднявшись, алхимик соорудил вокруг сладко спящей чародейки кокон из теплого воздуха и подошел к менталисту, немного его потеснив. Глотнул из термоса горячего чая с молоком и только тогда понял, что замерз.

– Всегда удивлялся способности Софии засыпать в самых странных местах и в самых нелепых позах, – негромко сказал Шефнер. – При первой нашей встрече она заснула в моей библиотеке, в совершенно чужом для нее доме. А однажды я видел, как она спит, задрав ноги на спинку кресла и свесив голову к полу. И вот теперь. В СБ новичкам обычно даже дышать тяжело, а Софи расположилась на тренировочной площадке как на кровати.

– Такое бывает, когда у людей совесть чиста. Тебе не понять, – фыркнул Корбин.

– Может быть, – не стал спорить менталист. – Слышал ваш разговор.

– То есть подслушивал?

Мартин по своей давней привычке проигнорировал неудобный вопрос.

– Значит, нахождение в столице тяготит? Так почему бы тебе не уехать? Развеешься, попутешествовать по Грейдору, съездить к морю.

– Я служу не тебе и не канцлеру, а императору. А он меня не отпускал.

– Едва ли Крейну сейчас есть до тебя дело, – ответил Мартин, намекая на болезнь монарха.

– Хочешь от меня избавиться? – прямо спросил Рихтер. – Из-за жены или все же из-за роанца? Хотя одно другому не мешает, полагаю. Так вот, у тебя не получится.

– И почему же?

– Потому что у меня больше нет ни одной причины оставаться в стороне.

Алхимик любил насмешничать, но сейчас ему было совсем не весело. Тревожные мысли, будоражащие разум, желания смутные, незнакомые – все это заставляло Рихтера чувствовать себя бессильным. И оттого сильнее хотелось, чтобы и всегда столь уверенный в себе, столь высокомерный Шефнер вкусил этого же сомнения.

– Подумай о Грейдоре, Мартин. Это империя, которая стоит на глиняных ногах, притом стоит у самой пропасти. И ты хочешь ее толкнуть туда, ввязав нас в гражданскую войну. Ради чего? Амбиций канцлера? Или твоих собственных? – Менталист не стал отвечать, и Рихтер продолжил: – Да о чем это я! Тебе всегда было наплевать на других. Но ведь о своих близких ты беспокоишься. Тогда подумай о Софии. Ты действительно решил, что, если я уйду из ее жизни, она станет счастливее? Что сможешь дать Софи все, что нужно? Ты способен брать, мой друг. Красть, забирать обманом или просто отнимать силой. А сделать счастливой свою женщину, увы, ты едва ли в состоянии.

– Ничего не меняется, – меланхолично заметил менталист. – Ты как был глупцом без чувства самосохранения, так им и остался. Или надеешься, что договор с моей женой как-то тебя защитит?

Рихтер нахмурился.

– Я не трус, чтобы прикрываться женской юбкой.

– Значит, все-таки глупец. Это последнее предупреждение, Корбин. Не вмешивайся в мои дела. И в мои отношения с Софи.

Ни взглядом, ни голосом Шефнер не выдал своего раздражения, но это не могло обмануть алхимика. Как змей, застывший перед броском, менталист спокойно изучал своего противника, будто выбирая, куда вонзить полные яда клыки. Вот только вместо яда у Шефнера был его дар. Корбин Рихтер мог почувствовать готовящееся заклинание, но вряд ли был способен остановить его.

Пугал ли его менталист или и в самом деле готов был нанести удар? Корбина это уже не волновало. В памяти всплыла та первая и единственная стычка с ментальными магами, в которой он проиграл. Мерзкое, гадкое ощущение оттого, что в разуме копошится кто-то чужой, управляет твоей волей, выпивает силу...

Отзываясь на вскипавшую в крови мага ярость, земля вокруг скамейки взбугрилась, придя в движение.

– Знаешь выражение «провалиться сквозь землю»? – Рихтер оскалился. В зеленых глазах с узким зрачком заплескалось безумие. – Сейчас лишь моя воля удерживает нас от его буквального воплощения. Убить ты меня, конечно, успеешь, но тебя это вряд ли спасет. Интересно узнать, каково быть похороненным заживо?

Тиски невидимого обруча, сжавшие череп алхимика, чуть ослабились, зато пальцы Шефнера пришли в движение. Не только элементалист владел секретами универсальных заклинаний. Но до того как Рихтер понял, что именно готовил ему менталист, он заметил краем глаза движение. Еще одна атака? Маг повернул голову и с невнятным восклицанием бросился в сторону, уходя от траектории... чар? То, что на Софи не было артефактов, он вспомнил уже на земле, в которую ушел почти по колени и локти. Не в лучшем положении оказался и Шефнер, так же, как и Рихтер, среагировавший прежде, чем осознал, что таявшие в воздухе плетения чар не могли принести кому-либо вреда.

Софи опустила вытянутую руку, растерянно глядя на невозмутимо отряхивающегося от комьев земли Рихтера и мужа, пытающегося выдернуть свой ботинок из дерна, ловко

сохраняя равновесие на одной ноге.

– Ох, простите. Приснилось что-то... – Скамейка жалобно затрещала и повалилась набок. – Это что, я сделала?!

Желание свалить всю вину на ученицу было более чем велико, но Корбин вспомнил, как распинался недавно о своей честности, и признался:

– Нет, это мы.

– Я попросил Корбина показать кое-что из своего арсенала, – поспешно добавил Мартин, кидая на алхимика предостерегающий взгляд. То ли себя выгородить пытался, то ли и вправду жену не хотел расстраивать. – Ты, видимо, почувствовала всплеск магии и проснулась.

– Хорошая реакция, – согласно кивнул Рихтер.

Ботинок менталиста с тихим чпоком ушел под землю, оставив Шефнера ни с чем.

Маленькая, но приятная месть напоследок.

Дождаясь мужа в автомобиле, я умудрилась снова задремать и проснулась уже дома. Утром.

– Ну и чего вы там не поделили? – потягиваясь, спросила у мужа, пишущего что-то за секретером.

– Ты о чем? – Мартин отложил перо и развернулся ко мне.

– Наставник вчера выглядел несколько... взбудораженно, а ты казался еще более задумчивым, чем обычно.

– Может быть, потому что я и был... задумчив?

– Нет, это потому, что ты был зол. – Я босиком прошлепала по прохладному полу и уселась на колени мужа, взъерошив его темные волосы. – Ты всегда кажешься немного заторможенным и грустным, когда в ярости. И чем злее, тем тише и печальнее становишься.

– Все-то ты замечаешь, – проворчал маг. – Рихтер вчера несколько вышел из себя. Меня это расстроило.

– Вышел из себя? А он разве когда-либо бывает в себе? – фыркнула, почесывая супруга за ухом.

– В этот раз не до шуток, – убирая мою руку, сказал менталист. В отличие от котов, ему совсем не понравилось. Буду знать. – Твой наставник плохо контролирует себя и поэтому может быть опасен. Я настаиваю, чтобы ты прекратила с ним общение.

Отвернувшись от мужа, я заглянула в письмо, что он строчил. Буквы расплывались и меняли очертания. Магическая защита. Даже в своем доме Шефнер был осторожен.

– Не надо делать из меня дуру, Мартин, – тихо сказала, положив голову на мужское плечо и закрыв глаза. – Мои артефакты лежали неподалеку от вас, и один из них зарегистрировал два всплеска магии. Ты начал формировать заклинание первым, притом сделал это демонстративно, но не стал сразу пускать в ход. Хотел спровоцировать Рихтера, чтобы потом был повод его арестовать?

– Ты все время думаешь обо мне самое плохое.

– О, если бы я думала самое плохое, то решила бы, что ты собирался его убить. Правда, не могу придумать ни одной причины, зачем тебе это. Я полагала, вы друзья.

– Были ими. Давно.

По тону мужа было слышно, что говорить о прошлом он не хочет. Да и стоит ли ворошить старое?

– А я светоч сделала, – похвасталась, – мое первое настоящее заклинание! И еще видела элементарей! Сложно описать, насколько они прекрасны!

– Я тоже однажды их видел... – На мой вопросительный взгляд Мартин пояснил: – Глазами Корбина, в его воспоминаниях. Рад, что ты не испугалась. Лично мне еще долго было не по себе, когда осознал, что эти существа могут быть везде, а мы их и не видим.

– Зато ты можешь представить, что ощущают обычные люди, когда думают о службе безопасности.

Заметив, что муж слишком занят своими мыслями, чтобы начать ко мне приставать, я не без сожаления слезла с его колен.

– Между прочим, я собираюсь провести сегодня день образцовой жены. Сидя дома и занимаясь рукоделием.

– И твое рукоделие не будет связано с артефакторикой? – рассеянно уточнил Мартин, возвращаясь к своему письму. Будто ждал, когда же я наконец от него отстану.

– Совсем немного. И ничего опасного, – заверила супруга, пряча обиду.

Сняла ночную сорочку за ширмой и вспомнила, что так и не взяла с собой полотенце или банный халат. Пришлось идти голышом. Уже в ванной вспомнила, что некоторые из артефактов плохо переносят повышенную влажность. Вернулась и сняла все лишнее, искоса бросая взгляды на Мартина, не замечающего свою полностью обнаженную жену. Когда-то Кати предупреждала меня, что мужчина – ненасытное животное, которому только одно и нужно. Ну вот и где оно?!

Спустя несколько минут, когда я уже сидела в наполненной горячей водой ванне, в дверь жалобно поскреблись.

– Я присоединюсь?

Глаза у мужа блестели, он и рубашку успел с себя стянуть, не дожидаясь приглашения.

– Ты разве не был занят? – мстительно спросила, вскидывая блестящие от влаги ноги на мраморные бортики. – К примеру, игнорированием меня?

– Я слаб духом и телом. Но чтобы быть до конца откровенным, я игнорировал тебя не потому, что злюсь.

– Неужели тебе стыдно за свой очередной обман? – восхитилась я. Мартин послушно закивал, не глядя мне в лицо.

Наверное, серьезный разговор нам бы не помешал, но я только недавно отошла от нашей последней ссоры. А заставить мужа изменить мнение о Рихтере мне вряд ли по силам. Сейчас просто хотелось побыть наедине с Мартином, откинув в сторону все проблемы и забыв о разногласиях. Поэтому когда его руки заскользили по моим плечам, я подставила лицо под поцелуи, растворяясь в той невероятной любви и нежности, что заставила меня когда-то отбросить сомнения и выйти замуж за этого мужчину.

В ванной было несколько неудобно, поэтому вскоре мы перебрались в кровать. И в этот раз никто из нас не торопился.

Я лежала на спине, лениво разглядывала потолок и размышляла о разных глупостях. Муж тоже о чем-то думал, но как-то напряженно. Не выдержала и пальцами разгладила морщинку между бровей, посмотрев на него с укоризной.

– Я отталкиваю тебя, да? – спросил он. – Сам того не замечая, делаю это постоянно.

– Учитывая, что другой рукой ты продолжаешь натягивать цепь, получается довольно болезненно, – пробормотала я, сонно кутаясь в одеяло.

Муж нахмурился.

– Цепь? Ты так видишь наши отношения?

Еще один миф развеян. Мои одноклассницы уверяли, что мужчины после постельных утех немногословны и быстро засыпают. Но именно я люблю подремать и поваляться в постели, а не Мартин. Еще почему-то курить хочется. А вот разговаривать – не очень. Тем более о таком.

Зевнула.

– Иногда. Но я уже привыкла, справляюсь. И вполне счастлива с тобой, если тебе интересно.

Мартин отчего-то вздрогнул.

– Резонанс...

– М-м-м?

– Не бери в голову.

Меня самым наглым образом подтащили к себе, почти подмяв, и невероятно интимным шепотом спросили:

– Есть хочешь?

Говорю же – с мужчиной я не прогадала.

Остаток дня я мирно вязала шарф, аккуратно вплетая в него чары. Для мужа не грех и постараться. Получалось медленно – и спицы я давно не держала в руках, и пальцы мои теперь были не такими ловкими, как раньше. Точнее, один определенный палец. Но к этой потере можно привыкнуть. По крайней мере, хотелось так думать.

Вскоре я увлеклась и очнулась ближе к полуночи. Глаза слезились и болели, но никакого магического истощения, как от долгой работы с чарами, не было. О-о-о, хотя бы ради этого мне следовало заключить договор с Рихтером!

Мартин уже спал, но когда я тихо, стараясь его не будить, приютилась на краешке кровати, тут же попала в плен объятий.

– Ноги холодные, – недовольно пробормотал маг, касаясь их своими ступнями, и, подвинувшись, перетащил меня на теплое местечко, согретое его телом. – Почему так поздно? Завтра же рано вставать.

– Заработалась. А ты чего не напомнил о времени?

– Я подходил, но испугался, что ты меня на месте спицами заколешь, если отвлеку. Уж больно зверское у тебя было выражение лица.

– Ну если бы... – не договорив, зевнула.

– Спи давай.

Еще немного поерзала, поудобнее пристраиваясь, и получила шлепок.

– Продолжишь елозить, и тебе будет не до сна, – несколько угрожающе произнес Мартин.

Звучало заманчиво. Улыбнувшись, невзначай скользнула ладонью по мужскому бедру и вскоре, как и обещали, получила полагающееся мне наказание.

В итоге утром мы не выспались оба.

– Может, останемся дома? – умирающим голосом спросила у пытающегося поднять меня мужа.

– На самом деле ты, конечно, можешь остаться дома.

– Правда? – удивилась я покладистости мужа. – А сюрприз?

– Видимо, мне придется наслаждаться им одному, – с притворной печалью вздохнул маг. – Жаль, в лермийских чарах я совсем не разбираюсь.

– Лермийских?!

Собралась за рекордные полчаса, а пока мы ехали в машине, напряженно пялилась в окно. Ехали мы не в СБ, что делало обещанное «необычное свидание» еще более загадочным.

Мартину удалось меня удивить. Оказаться на этой военной базе мечтали все студенты-артефакторы, бредящие полетами. Ведь за огромным летным полем виднелись громадины ангаров, внутри которых скрывалось тщательно охраняемое оружие Грейдора – новейшие боевые дирижабли, грозные и величественные. И самое главное – способные пересечь полконтинента в кратчайшие сроки без дозаправки на земле. Пассажирские дирижабли мне

видеть приходилось, но только в небе, а теперь появилась возможность заглянуть в один из монстров, созданных военными инженерами и артефакторами. Но автомобиль остановился не у огромных ангаров, а у невзрачных коробок, в которых едва ли мог поместиться огромный дирижабль-бомбардировщик.

– Аэропланы? Мы будем летать на аэроплане? – немного растерявшись, спросила я.

– Лучше.

Хмурый полковник провел нас внутрь ангара, и я, не удержавшись, вскрикнула, вцепившись в руку Мартина. Довольно компактная и изящная конструкция, похожая на яйцо, цельнометаллические лопасти в количестве шести штук и забавный рулевой винт на хвосте, колесное шасси... Я ни разу не видела его вживую, но не узнать не могла.

– Фрау, вам нечего бояться, – успокаивающе забормотал наш провожающий. – Это всего лишь...

– Геликоптер! Вы все-таки смогли разобраться в лермийских чертежах!

Смятение на лице военного заставило Мартина самодовольно улыбнуться.

– София помогала с чарами на начальных этапах проекта и имеет необходимый доступ к информации, так что можете не волноваться по поводу потери секретности.

– Ах, так фрау чародейка... Седрик, иди сюда! – неожиданно заорал офицер. – К нам направили нового артефактора!

– О, ну наконец-то господа начальники сподобились ответить на мою заявку. Как я должен летать на этой штуковине, если чертовы чары срабатывают когда хотят, а не когда это нужно мне!

Откуда-то из-под геликоптера вынырнул молодой лохматый парень, перемазанный в мазуте.

– Так, руководство само к нам притопало, – протянул он, высокомерно окинув нас взглядом. – Только не говорите, что вы и есть наш новый артефактор, фрейлейн.

– Вообще-то фрау, – поправила я. – Фрау Шефнер.

– И вы могли бы не выражаться при моей жене, Седрик? – мягко добавил Мартин.

До офицера дошло гораздо раньше, чем до пилота, судя по нахлынувшей на него бледности. Но вот выражение лица Седрика позабавило мужа гораздо сильнее. Он улыбнулся. Благожелательно и немного кровожадно.

– Моя жена здесь не для того, чтобы чинить геликоптер, в чьем идеальном состоянии меня убеждали все ваши инженеры. Или они мне соврали, полковник Нелл?

– Н-нет. Седрик? У тебя что-то успело сломаться? – оттягивая ворот военной формы, спросил офицер у пилота.

– Да так, мелочи всякие, – пробормотал тот, стараясь не пялиться на меня и при этом избегать взгляда Шефнера. – Система маскировки чуть сбоят, а с двигателем проблем нет. Летает геликоптер как птичка...

– Можно я посмотрю?

Отказать жене главы СБ никто не рискнул. Даже сам глава, знающий, что когда его супруга чем-то заинтересована, ей лучше не мешать.

Седрик оказался весьма толковым парнем, отлично разбиравшимся в механике.

– Наши пытались выпустить в небо похожую птичку лет семь назад, – любовно глядя железный бок, говорил он. – Но наш аэронеф оказался тяжелым и ненадежным. Паровой геликоптер с трудом отрывался от земли, а двигатель постоянно перегревался. Лермийцы использовали совсем иной принцип двигателя – газовый на четырехтактном цикле. Скоро

эти двигатели будут на всех машинах! Геликоптеры – это первая ласточка в небе, вот увидите!

Улыбаясь, я кивала пилоту-орнитологу, жалея, что в свое время была так равнодушна к инженерии и поэтому имела лишь самое смутное представление, о чем тот говорит. Сюда бы Петера! Вот он бы... А ведь это и в самом деле хорошая идея. Мой друг маялся, не в силах найти себе дело по душе, но здесь бы он точно прижился. Об этом стоит позже поговорить с мужем. А пока следовало выжать из моего пребывания здесь все что можно.

– Я могу зайти внутрь? Хочу взглянуть на чары.

Мне помогли забраться внутрь, в кабину пилота. Мартин с полковником успели куда-то деться, но мне было не до них. Я провела рукой над датчиками, кнопками и рычажками, пытаюсь нащупать сеть установленных чар.

– Здесь сложное управление, – с сомнением сказал Седрик. – Лучше ничего не трогать.

– Меня не интересует техника. Гораздо интереснее... о, вот и установочные узлы! А здесь много поменяли. Изначально лермийские чары не были столь сложными. Неудивительно, что маскировка постоянно дает сбой. Но здесь ведь не просто чары артефакторов, так?

– Ладно бы ваши коллеги поколдовали, – вздохнул авиатор, расстроено почесав рыжую макушку, – алхимики тут тоже отметились.

Перегнувшись через мое плечо, он потянул за неприметный рычажок. Всплеск чар, и стены вокруг нас странно замерцали, а затем и вовсе растаяли.

– Мастера использовали покрытие, которое позволяет материалу становиться на время невидимым. Это, как его, пери... придо...

– Приадос. Ядовитая штука, между прочим, – сказала я, поспешно вытерев о юбку ладонь, которой ощупывала стену. И успокоила побледневшего Седрика: – Если долго с ней контактировать. Но вы все же поосторожнее. И не могу понять, зачем он здесь вообще? Есть же обычные чары маскировки.

– Потому что они это могут? – С несчастным видом парень пожал плечами. Он явно был не лучшего мнения о магах. – И для лучшего обзора пилота. Так можно совсем отказаться от хрупкого стекла.

– На месте алхимиков лучше бы подумала, как сделать стекло более ударопрочным, – проворчала я. – О, тут еще кое-что есть интересное! Значит, вы все же использовали мои чары, позволяющие снизить уровень шума. А это у нас что такое?

Заглянув куда только можно и лично перепроверив все чары – от защитных до поддерживающих работу двигателя, – я нашла источник проблем Седрика. И это был приадос, искажающий наложенные на него плетения. К счастью, в университете мне приходилось работать с этим материалом, поэтому корректировки в чары удалось внести прямо на месте. Теперь внешняя маскировка и режим «невидимых стен» не мешали друг другу.

– О, круто! – пощелкав тумблерами и оглядевшись, оценил рыжий пилот. – А двигатель еще раз глянете? Он не барахлит, но на всякий случай...

– Не рискну. Тут я не специалист. Хотя у меня есть один артефактор, на которого можно положиться.

Взглянув на часы, я нахмурилась. Прошло уже много времени, а Мартин так и не вернулся за мной. Стоило вспомнить о нем, как в дверцу кабины громко постучали.

– Наигралась? – несколько снисходительно спросил меня муж. – Вы не давали ей ничего трогать здесь, Седрик? Не хотелось бы, чтобы Софи вновь стала виновницей катастрофы.

Она так мило убеждает людей, что разбирается в магии, но реальность куда как более жестока. Сколько тогда людей погибло, дорогая?

Глаза рыжего округлились. Я еле удержалась, чтобы не ударить супруга.

– Господин Шефнер так неудачно шутит, – сказала сквозь зубы. – Все мои артефакты надежны. И никаких катастроф никогда не было. Так ведь, дорогой?

Мартин пожал плечами, насмешливо подмигнув пилоту. Настроение его казалось игривым, но я чувствовала холодную внимательность, что пряталась за его видимой беспечностью. Заметив мое беспокойство, маг кинул на меня предупреждающий взгляд, останавливая от вопроса.

– Все в порядке, Седрик. Своей жене я верю как никому другому. Достаточно, чтобы подняться в воздухе на машине, к которой она приложила свои прекрасные руки.

К счастью, от манерного целования «прекрасных рук» Мартин воздержался, заметив выражение моего лица. Значит, все же развлекается, пусть и таким странным способом... Тут до меня дошло.

– Подняться в воздух? О-о, это весьма... волнующе. Но, может, не стоит злоупотреблять гостеприимством господина Нелла?

– Ничего страшного, фрау, – махнул рукой полковник, – министр Ланге дал для вашего мужа полный доступ к вертолету.

– Еще бы Ланге не дал допуск, учитывая, кто принес ему этот проект почти на блюдечке, – проворчал супруг.

Точно, Стефан же теперь главный в военном министерстве! И на новой должности в силу своей молодости недостаточно уверенно себя чувствует. А Мартин, значит, решил этим воспользоваться. Пустили лису в курятник на свою беду! И ведь я, наивная, в самом деле думала, что эту поездку Шефнер организовал для того, чтобы меня порадовать. А он всего лишь хотел неофициально прогуляться по секретной базе министерства!

Пока я размышляла о коварстве мужа, все уже успели усесться и пристегнуться в ожидании меня.

– София, все хорошо? – приподняв брови, спросил Мартин.

Иногда я бываю жуткой трусихой. Так и сейчас мне было легче сделать вид, что вдохновилась полетом, чем признаться, что летать мне нравилось в мечтах, но никак не в реальности.

– Да, все просто отлично!

Меня как, назло, усадили у окошка. Позволив супругу застегнуть на себе ремни, устремила напряженный взгляд в переборку напротив. Вертолет несколько раз дернулся, заставив стиснуть кулаки и напрячься. Гул от винтов был не очень громок – шумоизоляция работала отлично, но вибрации были ощутимыми, передаваясь через пол и сиденье. Или это меня так начало трясти от переживаний?

– Точно все нормально? – еще раз спросил Мартин. Я упрямо кивнула.

Крыша ангара выдвигалась, поэтому мы поднялись в воздух с того же места, где стояли. И набирали высоту довольно медленно. Так, по крайней мере, казалось, потому что когда я осмелилась выглянуть в окошко в третий раз, люди внизу были схожи с муравьями.

– Мы же никуда не полетим? Покружимся над базой и сядем? – громко спросила, перекивая шум вертолета. Голова шла кругом, тошнота подкатывала к горлу, но жаловаться на свое состояние я не спешила. Не хотелось показать себя слабой перед мужем.

– Мы пока не рискуем совершать долгие перелеты, – ответил полковник. – Но все же

можем вас порадовать, фрау! Седрик!

Слишком поздно я поняла, чем именно меня хотели порадовать. Стены и пол вновь замерцали, и сиденья с людьми на них оказались будто подвешенными в воздухе в нескольких тысячах метров над землей. Этого хватило, чтобы моя хрупкая психика не выдержала.

– Какое... дурацкое изобретение, – успела вымолвить, прежде чем потеряла сознание.

Очнулась уже на земле, на чужой куртке, но зато укрытая сюртуком мужа. Он сам был поблизости – я слышала его тихий голос, хоть и не могла разобрать слова. А вот полковник говорил гораздо громче.

– Может, все же доктора? Если у вас жена в тягости, то неудивительно, что ей стало дурно...

Резко сев, я гневно заявила:

– Я не в тягости! Но нельзя, знаете ли, вот так, в прямом смысле слова, выбивать пол из-под ног человека. Любой испугается!

До автомобиля я дошла на едва гнущихся конечностях, опираясь на руку мужа.

– Чудовища мою жену, значит, не страшат, а вот высоты она боится, – покачал головой Мартин, когда мы выехали за ворота базы.

– Я не боюсь!

– Боишься. Ты еще до взлета дрожала как осиновый лист.

Получается, муж все прекрасно видел и решил, очевидно, проверить, насколько далеко я готова зайти.

– Я не подговаривал пилота включить невидимость, – поняв ход моих мыслей, сказал менталист. – И не ожидал, что так обернется. Признаюсь, хотел немного попугать, но не думал, что ты упадешь в обморок. Может, действительно ждем пополнения?

– Ты же знаешь, что нет, – покачала головой. – Но ты прав. Я испугалась. В детстве мне тоже было страшно высоко забираться, повзрослев, я справилась с этим страхом. Как оказалось, не до конца.

– Получается, я испортил тебе развлечение? Прости. Мы так редко сейчас выбираемся вместе, и так все неловко получилось.

Мартин всегда умел извиняться. Правда, он так и не упомянул, что использовал наше свидание для прикрытия своих делишек, но хотя бы выглядел искренне расстроенным.

– Не стоит, все было здорово. Поцелуй за старание и за возможность вживую увидеть вертолет. – Я ткнулась губами в гладко выбритую щеку мужа и тут же отстранилась. – Но вот вопрос – а где мой гонорар за работу над проектом? На конструкции же треть чар в моей модификации! Это что еще за обкрадывание собственной жены?!

– Между прочим, я сэкономил деньги государства, а не свои, – с видом оскорбленной невинности проворчал Мартин.

– Сам-то ты вроде не бесплатно работаешь.

– Но я-то именно работаю в СБ, а для тебя это была стажировка. Нанять как вольного артефактора тебя не получилось бы в связи с секретностью проекта, так что пришлось пойти на некоторые хитрости.

Удобные такие хитрости.

– Больше никаких бесплатных услуг для твоей конторы. – Скрестила руки на груди, обиженно отвернувшись.

– Хорошо, – флегматично согласился менталист. – Не придется возиться с доступом для

тебя. Тем более у нас новая практикантка-артефактор в этом году, Зельда Арсель, действительно талантливая чародейка. Ты ее знаешь, наверное.

Еще бы не знать. На два курса младше, совсем без фантазии, а все пыталась равняться на меня. Я молчала до самого дома и только в спальне высказала наболевшее:

– Если ты собираешься давать Арсель индивидуальные занятия, учти, что она хоть и не бездарна, выше своего потолка не прыгнет.

– А вдруг она все же освоит ментальные чары? – вкрадчиво спросил Мартин. – И мне кажется или ты ревнуешь?

Вот это было плохо. Если менталист поймет, что меня волнует, приблизит ли он к себе Арсель или нет, то впереди большие проблемы. Шантаж по поводу моих отношений с Рихтером – самое меньшее, что меня ждет. Но и показывать свое равнодушие тоже не стоило. Потому что в прошлый раз все это закончилось некой Линдой Келлер.

Ненавижу! Ненавижу, когда все так запутывается.

– Я люблю тебя, – призналась, прямо глядя в темные глаза.

Брови Мартина непроизвольно дернулись вверх.

– М-м-м?

– Так, напоминаю. И если ты будешь спать с Арсель, это сильно меня расстроит. Очень сильно.

– Почти так же, как если бы я использовал ее артефакты для личного пользования?

Понять, что кроется за интонациями мужа в этот момент, было сложно, но на всякий случай я серьезно заверила его:

– Сильнее. Гораздо.

Менталист привлек меня к себе, сжимая почти до хруста костей.

– Вот теперь верю, что любишь. Своей какой-то странной любовью, но все же. И между прочим, у Арсель есть жених. Один из моих боевых магов. Я и взял ее на практику по его просьбе.

– Ох, правда?

Облегчение накрыло почти с головой, заставив обмякнуть в крепких руках. Чем Мартин и воспользовался, приподняв меня и в пару шагов перетащив на кровать. Мы рухнули вместе.

– Чуть не придавил, – проворчала я. – И хватит постоянно надо мной шутить, а то я совсем перестану тебе верить.

– Удивительно, что вообще веришь, – рассмеялся Мартин. Легко и счастливо.

Я затихла, наслаждаясь моментом и тайно гордясь собой. Кажется, мой ужасно мрачный и циничный муж постепенно учится радоваться жизни. И чья это заслуга, как не его жены?

Корбин Рихтер

В следующий раз алхимик встретил свою ученицу в университете. Она сидела у окна в преподавательской и меланхолично терзала цветок. Судя по россыпи лепестков на ее коленях, это была уже не первая жертва.

– Поклонник появился? – заинтересованно спросил Рихтер, усаживаясь на подоконник и закрывая Софи вид на город. Она даже не возмутилась.

– Нет. Цветы подарил староста старшекурсников. Извинение за один инцидент, в котором участвовал студент его группы.

– Что-то серьезное?

Молодая женщина заколебалась и несколько неохотно ответила:

– Ситуацию удалось уладить. Но самое интересное, что я не успела сказать декану о случившемся, а Ганса Яргера уже наказали. Притом значительно суровее, чем следовало бы. Отчислить не отчислили, но отправили в один из пограничных городков на службу. Все предметы ему теперь придется сдавать экстерном.

Софи мрачно посмотрела на сломанный стебель цветка в руках и с отвращением отложила его в сторону.

– Готова поспорить, что здесь замешан Мартин. Я просила его не вмешиваться в мою работу, а он и этого не смог сделать.

Что ж, теперь становилась понятной просьба Шефнера присмотреться к группе, у которой Рихтер должен был вести факультатив. Неожиданно для себя Корбин встал на защиту Шефнера.

– Ну, возможно, я бы тоже расстроился, если бы какой-нибудь студент обидел мою жену.

– И как бы вы поступили?

Алхимик пожал плечами.

– Смотря какой проступок. Но, скорее всего, просто избил бы до полусмерти, чтобы неповадно было.

– Яргер боевой маг, – напомнила чародейка.

– Ну и что? Мало ли мне пришлось урезонивать их этим летом? Слушай, прекращай тоску наводить. Тут нет твоей вины. А Мартин – это Мартин. Ты должна была знать, за кого выходишь замуж и какие будут последствия, – неожиданно жестко припечатал маг.

София вздрогнула. Не поднимая глаз, тихо сказала:

– Я не жалею, не думай. Больше не буду тебя этим беспокоить.

«Вот еще утешающей подружкой я не был», – сердито подумал Рихтер и все же сел рядом, заставив девушку потесниться на короткой софе. В преподавательской никого не было, поэтому они могли говорить свободно.

[Купить полную версию книги](#)